

Изъ пережитого

Печатаемые ниже воспоминанія княжны Ольги Николаевны Трубецкой представляютъ собою часть обширной работы автора, посвященной жизни ея брата, князя Сергѣя Николаевича Трубецкого (1862-1905), извѣстнаго философа, профессора Московскаго университета, либеральнаго дѣятеля, игравшаго выдающуюся роль въ общественномъ движеніи начала девятисотыхъ годовъ. Отрывокъ, помѣщаемый здѣсь (съ большими, по необходимости, сокращеніями), относится къ послѣднему году жизни С. Н. Трубецкого, году, вознесшему его на вершину общероссійскаго признанія и такъ трагически оборвавшемуся безвременной кончиной (онъ умеръ 29 сентября 1905 г., со-всѣмъ молодымъ, всего 43 лѣтъ отъ роду).

Именно въ эти послѣдніе передъ смертью страданные мѣсяцы, на служеніи Россіи, раскрылась во всемъ обаяніи духовной красоты своей образная личность С. Н. Трубецкого. Вся предшествовавшая жизнь была какъ бы подготовленіемъ къ этому служенію, въ которомъ было суждено ему исполнить себя. Напомнимъ въ краткихъ чертахъ исторію его недолгой жизни.

Князь С. Н. родился въ 1862 г. въ Ахтыркѣ, фамильной подмосковной Трубецкихъ, въ просвѣщенной аристократической семьѣ. Глубокое вліяніе на образованіе характера С. Н. въ дѣтствѣ оказала его мать, женщина замѣчательная по уму, образованію и высокому моральному строю души. «Мы выросли въ понятіяхъ равенства всѣхъ людей передъ Богомъ», вспоминаетъ кн. Евг. Николаевичъ Трубецкой, братъ С. Н., — «человѣческая душа какъ таковая была предметомъ вниманія, независимо отъ рода и званія». Гармонической семейной атмосферѣ въ дѣтствѣ обязанъ С. Н. многими привлекательными свойствами его личности: душевной ясностью, вѣрой въ побѣждающую силу добра надъ зломъ, благороднымъ довѣріемъ къ людямъ, отзывчивостью къ чужому страданію. Здѣсь же, въ традиціяхъ семьи и воспоминаніяхъ дѣтства, коренился источникъ и глубокой религіозности, проникавшей все міросозерцаніе С. Н. Трубецкого. Недаромъ Ахтырка находилась въ непосредственной близости отъ народной православной святыни, Троицко-Сергіевской лавры. Завѣтъ св. Сергія Радонежскаго — «все для любви, которая собираетъ», явился, по свидѣтельству кн. Е. Н. Трубецкого, точкой опоры для всего творчества его брата.

До наступленія критической эпохи 1901-1905 гг. жизнь С. Н. Трубецкого не богата внѣшними событіями. По окончаніи гимназіи въ Ка-

лугъ, рѣшивъ посвятить себя философiи, онъ поступаетъ въ 1881 г. въ Московскій университетъ по историко-филологическому факультету. Оставленный при университетѣ, въ 1885 г. начинаетъ читать лекціи по исторiи философiи. Магистерская диссертация на тему «Метафизика въ древней Греціи» (1890 г.) и особенно докторская работа «Ученіе о Логосѣ» (1900 г.) выдвигаютъ его въ русской философской литературѣ какъ глубокаго мыслителя и оригинальнаго историческаго изслѣдователя. Здѣсь не мѣсто излагать философскія воззрѣнія С. Н. Трубецкого. Его религіозно-философская система близка по духу ученію Вл. Соловьева, съ которымъ связывала его и многолѣтняя личная дружба. Въ рѣдкомъ соотвѣствіи теоретическое міросозерцаніе С. Н. Трубецкого находилось съ природнымъ душевнымъ складомъ его личности: «въ душѣ его жила гармонія, и онъ видѣлъ не-

С. Н. Трубецкой и Вл. Соловьевъ

Воспроизводится впервые

(Въ концѣ 90-хъ годовъ, въ Меньшовѣ, имѣніи Трубецкихъ).

сокрушимую Божественную гармонию во всемъ живящемъ, писалъ про него Л. М. Лопатинъ. Общей у него съ Вл. Соловьевымъ чертой была также исключительная цѣльность натуры: «между мыслию и дѣятельностью у нихъ не было никакого разрыва: они жили какъ върили, а вѣра ихъ была высокая и вдохновляющая» (Лопатинъ).

Философія была, конечно, истиннымъ призваніемъ кн. С. Н. Трубецкого. Но свободно и полностью отдаться только философіи ему суждено было всего какихъ-нибудь десять лѣтъ (1889-1899 гг.). Сдѣланное за эти годы явилось лишь многообещающимъ введеніемъ къ тому, что хотѣлъ, могъ, но такъ и не успѣлъ дать С. Н. Трубецкой русской философіи. Иной, высшей, поведительный долгъ уводитъ его изъ міра отвлеченной мысли — къ реальной мятущейся жизни.

Приближается роковой 1905 годъ, въ Россіи назрѣваетъ революція — къ ней толкаютъ народныя массы сама власть, упорно закрывающая передъ страной пути мирнаго развитія. Вспыхиваютъ рабочія забастовки, аграрные беспорядки. Безсмысленно навязанная Россіи война съ Японіей окончательно обнаруживаетъ всю гнилость режима. Университетъ не можетъ остаться въ сторонѣ отъ народнаго движенія. Студенческія волненія приобретаютъ революціонный характеръ.

С. Н. Трубецкой — убѣжденный противникъ внесенія политики въ университетъ. Правда, онъ ясно видитъ, что только немедленныя и радикальныя реформы государственнаго строя могутъ помочь Россіи справиться съ внѣшнимъ врагомъ и предотвратить революцію, которую онъ считаетъ величайшимъ бѣдствіемъ для русскаго народа. Но бороться за нихъ надо внѣ университетскихъ стѣнъ. С. Н. Трубецкой переноситъ свою дѣятельность на болѣе широкую общественную арену, примыкая къ умѣренному либеральному крылу освободительнаго движенія. Въ 1904 году онъ сблизается съ земцами-конституціоналистами и принимаетъ дѣятельное участіе въ кампаніи за осуществленіе гражданскихъ свободъ и народнаго представительства. Одновременно онъ пытается воздействовать на власть черезъ печать, — его статьи въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ основанной имъ «Московской Недѣлѣ» свидѣтельствуютъ о блестящемъ публицистическомъ дарованіи. Не оставляетъ онъ и борьбы за университетскую свободу: исключительно благодаря его энергіи и личному влиянію русскіе университеты получили въ августѣ 1905 г. автономію. С. Н. Трубецкой становится первымъ выборнымъ ректоромъ Московскаго университета. Но кульминационнымъ пунктомъ общественной дѣятельности С. Н. Трубецкого въ эти годы безспорно явилась его знаменитая рѣчь, обращенная къ императору Николаю II на приемѣ земско-городской делегаціи. Въ патетическомъ обращеніи къ монарху прозвучалъ все тотъ же характерный для Трубецкого призывъ къ «внутреннему миру, объединенію, а не раздѣленію частей цѣлаго, къ «уравненію всѣхъ русскихъ гражданъ... чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ». Вызвавшая необычайный откликъ во всей странѣ, эта рѣчь явилась какъ бы политическимъ завѣщаніемъ кн. С. Н. Трубецкого. Смерть уже сторожила его... Тяжелая болѣзнь, которую все

«некогда» было лечить в горячке напряженной работы, нравственные муки от растушаго сознания тшеты всѣхъ усилій предотвратить надвигающуюся катастрофу, ускорили развязку. Она наступила в сентябрь 1905 г., в Петербургъ, куда, перевозимая болѣзнь, С. Н. поѣхалъ хлопотать все о томъ же дорогомъ его сердцу Московскомъ университетѣ.

Печатью глубокаго трагизма отмѣчена судьба кн. С. Н. Трубецкого. Мыслитель, философъ, ученый, онъ въ тяжелые для Россіи годы не колебался пожертвовать и призваніемъ и самой жизнью — ради служенія своему народу. Но на этомъ пути его ждали одни горестныя разочарованія. Иллюзіей оказалась возможность для разумной воли помѣнить роковое теченіе событий. Сокрушительный ударъ былъ нанесенъ его свѣтлой вѣрѣ въ перевозимую силу добрыхъ нравственныхъ началъ въ человѣкѣ надъ темными стихіями раздѣленія и ненависти.

По всему душевному складу своему князь С. Н. не могъ примкнуть цѣлкомъ ни къ одному изъ двухъ враждебныхъ становъ, на которые въ девятисотъ пятимъ году распалась Россія. Убѣжденный монархистъ, онъ тѣмъ не менѣе ясно сознавалъ все зло выродившагося абсолютизма. Свободолюбивый, искренне сочувствующій всѣмъ угнетеннымъ и обездоленнымъ, онъ однако питалъ отвращеніе къ стѣпной иррациональной стихіи революціи. Ему, вѣрующему въ Божественную, гармоническую основу міра, въ конечное торжество закона любви и солидарности въ человѣческихъ отношеніяхъ, органически былъ чуждъ и неприемлемъ путь крови и насилія. Съ огромной силой нравственнаго воодушевленія онъ пытался выступить въ роли посредника, во имя блага Россіи, между упорствующимъ самовластіемъ и пришедшей въ грозное движеніе народной стихіей. Но въ ожесточеніи разгорающейся борьбы призывъ къ всеобщему примиренію остался не услышанъ тѣми, кто въ 1905 году уже стоялъ по двѣ стороны баррикады.

Искренняго примиренія съ народомъ и обществомъ не хотѣла несомнѣнно власть, отъ которой одной зависѣло избавить Россію отъ революціонныхъ потрясеній. Даже кн. С. Н. Трубецкой съ его крайне умѣренной, «антирадикальной» программой, мечтавшій о созданіи всего лишь правительственной партіи въ будущей обновленной монархіи, представлялся петербургскимъ сферамъ опаснымъ потрсаателемъ основъ. Характерно, что «Московская Недѣля» Трубецкого была задушена правительствомъ — въ то время какъ безпрепятственно выходили болѣе радикальные органы — именно въ виду политической умѣренности ея редактора: «голосъ разума, съ его отрезвляющимъ дѣйствіемъ, можетъ сильнѣе повліять, чѣмъ крайнія небылицы», откровенно объяснили причину репрессіи въ цензурномъ комитетѣ.

Но не былъ принятъ призывъ С. Н. Трубецкого и другой стороной, съ которой у него, казалось, была общая цѣль раскрѣпощенія Россіи — радикальной интеллигенціей. Расхожденіе съ нею, въ лицѣ прежде

всего близкой ему университетской молодежи, было особенно болѣзненно для С. Н. Трубецкаго. Онъ былъ по своему праву, протестуя противъ превращенія университета въ политическій клубъ. Но въ странѣ бушевала революція, и не менѣе права была молодежь, когда, въ увлеченіи борьбой за общую свободу, не соглашалась пользоваться привиллегіей свободы въ стѣнахъ университета для себя одной. Не могъ существовать свободный университетъ въ политически безправной странѣ. Не могла русская интеллигенція отказаться отъ революціонныхъ методовъ, разъ для народа были заказаны иные пути къ преобразованію устарѣваго, осужденнаго на сломъ режѣма.

Было бы неправильно, оцѣнивая роль кн. С. Н. Трубецкаго въ 1904-1905 гг., подходить къ нему исключительно какъ къ дѣятелю политическому. Не эта сторона была въ немъ самая значительная духовно. Не трудно было бы указать недостатки въ его политической программѣ (хотя бы въ земельномъ вопросѣ, напр.), а положительные результаты его общественной дѣятельности были скоро сведены на нѣтъ восторжествовавшей реакціей. Значитъ ли это однако, что напрасна была жертва С. Н. Трубецкаго, что несбыточенъ его общій идеалъ мирнаго устройства Россіи, въ общенародномъ, во имя высшихъ цѣлей, единеніи?

Въ годы, когда рушилась моральная связь между народомъ и властью, дѣло Трубецкаго было обречено на поражение. Но то было поражение и самой Россіи, отнынѣ на рядъ долгихъ лѣтъ осужденной на проклятіе междуусобицы. Князь С. Н. Трубецкой остается крупнѣйшимъ явленіемъ въ русской жизни, непреходящее значеніе его личности выходитъ далеко за предѣлы могущихъ быть спорными его политическихъ взглядовъ и даже его беспорныхъ общественныхъ заслугъ. Это значеніе — въ самомъ его духовномъ обликѣ. Въ какомъ-то отношеніи патетическая фигура С. Н. Трубецкаго, философа-идеалиста и патріота, связаннаго въ истокахъ своего міросозерцанія съ лучшими, свѣтлыми сторонами русской народной души, явилась какъ бы символической для судебъ Россіи на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ. Не потому ли такъ горестно была потрясена буквально вся культурная Россія вѣстью о гибели Трубецкаго, что вдругъ «все почувствовали, что въ русской жизни что-то оборвалось и ушло безвозвратно, что какая-то лучшая возможность стала не мыслимой, что вырвано знамя изъ рукъ у сторонниковъ мира» (П. И. Новгородевъ)?

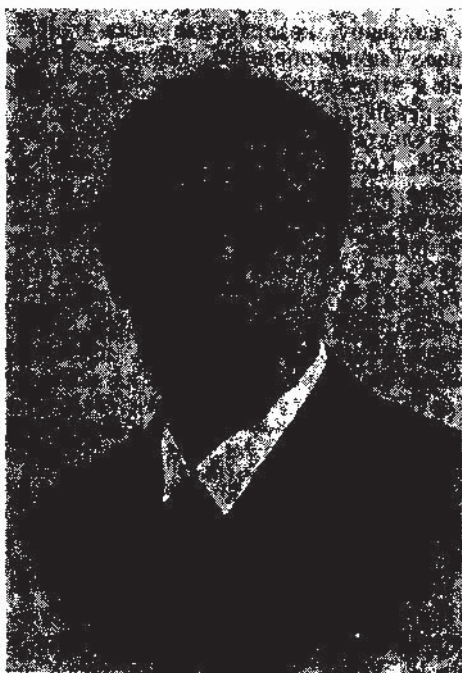
Сейчасъ, когда вотъ уже двадцать лѣтъ русскому народу стараются привить чуждый ему догматъ войны всехъ противъ всехъ, особенно ясно, что только возвращеніе къ одушевлявшему кн. Трубецкаго нравственному и національному идеалу, къ завѣту о «любви собирающей» способно вернуть Россію на великіе ея историческіе пути. Но опять, какъ и въ 1905 г., необходимымъ условіемъ для этого является раскрѣпощеніе русскаго народа отъ новаго самовластия.

О кн. С. Н. Трубецкомъ писали многіе изъ его ближайшихъ друзей, единомышленниковъ, почитателей. Ему, въ частности, былъ по-

священъ въ 1906 г. специальный выпускъ журнала «Вопросы философіи и психологіи», гдѣ въ рядѣ блестящихъ статей — Л. М. Лопатина, П. И. Новгородцева, С. А. Котляревскаго, А. И. Анисимова и др. — дана характеристика его какъ ученаго, общественного дѣятеля и человѣка. О семьѣ Трубецкихъ и о дѣтствѣ С. Н. рассказала въ небольшой книжкѣ «Изъ прошлаго», вышедшей уже зарубежомъ, его братъ кн. Е. Н. Трубецкой. Среди работъ, посвященныхъ біографіи С. Н. Трубецкаго, воспоминанія его сестры, княжны О. Н. Трубецкой — понинѣ здравствующей въ эмиграціи — занимаютъ особое мѣсто. Они охватываютъ лишь небольшой, но зато въ общественномъ отношеніи важнѣйшій періодъ въ жизни С. Н. Трубецкаго — 1904-1905 годы. Сама не игравшая активной политической роли, О. Н. Трубецкая черезъ брата и близкихъ родственниковъ была связана съ многими представителями московской интеллигенціи и высшей администраціи. Помѣщая, естественно, въ центрѣ своего повѣствованія яркую фигуру ея брата, на фонѣ историческихъ событій того времени, О. Н. Трубецкая вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ живую картину окружавшей его общественной среды.

Читатель увидитъ, что авторъ выполняетъ свою задачу особымъ образомъ. О. Н. Трубецкая почти не рассказываетъ ничего сама, по памяти, о событіяхъ уже свыше тридцатилѣтней давности и тѣмъ избѣгаетъ обычнаго у мемуаристовъ соблазна относить къ прошлому свои теперешнія сужденія и оцѣнки. Пользуясь сохранившимся у нея обширнымъ семейнымъ архивомъ, О. Н. Трубецкая заставляетъ прежде всего говорить документы того времени, въ томъ числѣ неизданную переписку С. Н. Трубецкаго съ другими участниками общественнаго движенія, а также подробныя записи ея собственнаго дневника за тѣ годы и пр. Къ этимъ безпристрастнымъ документальнымъ свидѣтельствамъ авторъ скупо прибавляетъ лишь самыя необходимыя для связности повѣствованія фактическія свои комментаріи. Благодаря этому работа О. Н. Трубецкой выигрываетъ въ живой изобразительности, переноса читателя въ подлинную атмосферу революціонной эпохи 1904-1905 гг., какъ она въ свое время переживалась въ извѣстныхъ кругахъ русскаго общества, а обиліе приводимыхъ въ текстѣ ранѣе не изданныхъ матеріаловъ сообщаетъ ей и значительную документальную цѣнность.

В. Рудневъ.

Кн. С. Н. Трубецкой
(1904 г.)

1904-ый годъ *).

Проведя зиму 1903-4 г. въ Дрезденѣ, Сергѣй Ник. съ семьей вернулся въ Москву въ концѣ апрѣля. Остановился онъ на моей квартирѣ (въ Б. Афанасьевскомъ пер. д. Орлова), гдѣ вскорѣ оказалась свободной квартира по той же лѣстницѣ, противъ моей. Она подошла подъ требованья семьи брата: ему и его женѣ, Прасковѣ Владиміровнѣ, нравилось расположеніе дома, двухъэтажнаго особняка, въ тихомъ переулкѣ, во дворѣ, съ небольшимъ круглымъ палисадникомъ передъ подъездомъ. Братъ нанялъ эту квартиру, перенесъ свой кабинетъ и общую столо-

*) Помѣщая воспоминанія кн. О. Н. Трубецкой, редація подчеркиваетъ, что, конечно, не всѣ высказываемыя въ нихъ оцѣнки ею раздѣляются. — Ред.

вую на мою половину, которая для меня одной была слишком престошна. Такимъ образомъ, мы вновь соединились подъ одной кровлей и этотъ послѣдній годъ жизни брата мнѣ близко довелось переживать вмѣстѣ съ нимъ...

Это обстоятельство поневолѣ отражается на характерѣ изложенія событій. Кромѣ личныхъ воспоминаній у меня сохранилась «записная книжка», куда я съ ноября 1904 г. заносила всѣ злободневныя происшествія, изъ которыхъ сплетались событія того времени.

Надо сказать, что семья наша въ то время была въ исключительно выгодномъ положеніи для информации по текущимъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ. Братъ Петръ Ник. Трубецкой былъ московскимъ губериск. предводителемъ дворянства, Григорій Ив. Кристи, женатый на моей сестрѣ (Маріи Ник.), былъ московскимъ губернаторомъ. Фед. Дмитр. Треповъ (моск. оберъ-полицеймейстеръ, а потомъ генер. губернк. Петербурга) только что породнился съ нашей семьей, выдавъ свою дочь за моего племянника П. В. Глѣбова. Двоюродный братъ А. А. Лопухинъ былъ директоромъ Департамента Полиции, наконецъ Ал. Дмитр. Оболенскій (впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Синода), двоюродный братъ моей матери, питалъ исключительное чувство дружбы къ брату Сергѣю, высоко цѣнилъ его и держалъ его въ курсѣ всѣхъ петербургскихъ настроеній.

Такимъ образомъ, не выходя изъ круга семьи, я была болѣе или менѣе въ курсѣ всего происходившаго вокругъ и, къ сожалѣнію, только не всегда успѣвала записывать все, что слышала, и поздно принялась за это дѣло.

Не задаваясь какими-либо литературными цѣлями, я вела свою запись въ надеждѣ, что она быть можетъ со временемъ пригодится брату для его воспоминаній, а мнѣ для лѣтописи семьи, для которой я уже въ то время подбирала матерьялъ... Записи мои поэтому носятъ нѣсколько семейный, домашній характеръ.

По окончаніи университетскихъ экзаменовъ, участіе въ которыхъ ему пришлось принять въслѣдствіи внезапнаго заболѣванія Л. М. Лопатина, Сергѣй Ник. съ семьей переѣхалъ на лѣто въ наше обще-семейное гнѣздо «Меньшово» (въ Подольск. уѣздѣ Моск. губ.), откуда онъ писалъ брату Евгенію въ его калужскую деревню:

«Какой огромный внутренней переворотъ у насъ на глазахъ содѣваеть... Многое хотѣлось бы разсказать тебѣ, но цѣлымъ томъ надо написать и о личныхъ и о публичныхъ дѣлахъ.

Видѣлъ третьяго дня А. Оболенскаго, который попрежнему не унываетъ, и предлагаетъ мнѣ самымъ настоятельнымъ образомъ мѣсто А. Столыпина, но съ содержаніемъ 12.000 по контракту... Послѣдствія сего предложенія пока отрицательныя. Какъ ни хотѣлъ бы я получить возможность говорить съ россійскими гражданами при посредствѣ моего собственнаго органа, но, къ сожалѣнію, не вижу возможности говорить съ ними о чемъ-либо иномъ, какъ о пользѣ стекла, между тѣмъ какъ минутами самое битье стекла представляется менѣе предосудительнымъ, нежели подобное празднословіе».

А. И. Анисимовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ («Вопр. Фил. и Псих.», 1906 г.) передаетъ, что лѣтомъ 1904 г., встрѣтивъ С. Н. въ университетской библиотекѣ, имѣлъ съ нимъ бесѣду по университетскому вопросу. С. Н. говорилъ, что страшно колеблется, не зная, оставаться ли ему дальше въ университетѣ: «Нѣтъ силъ бороться съ несовершенствомъ академическаго строя: студенчество въ лицѣ своихъ крайнихъ партій стремится къ явному разрушенію существующаго порядка вещей, правительство не поддерживаетъ прогрессивныхъ силъ, работающихъ планомерно и творчески надъ истиннымъ обновленіемъ университетовъ». А. И. Анисимовъ отмѣчаетъ крайне подавленное состояніе С. Н. при этой бесѣдѣ. Да оно и не могло быть иначе, какъ только мысль его обращалась на настоящее положеніе Россіи.

Но въ Меньшовѣ и въ кругу семьи онъ все-таки отдыхалъ. Общество вокругъ было многолюдное, и все свои — братья и сестры и ихъ многочисленная и столь дружная между собою дѣтвора. Своимъ оживленіемъ и жизнерадостностью она заражала и взрослыхъ. Сама природа Меньшова какъ бы способствовала такому настроенію. Зеленый скатъ луга отъ дома къ рѣчкѣ подъ горой, съ раскинутыми по немъ тремя-четырьмя гигантскими вѣковыми елями, за рѣчкой — широкій заливной лугъ и свѣтлый горизонтъ крестьянскихъ полей, подымавшихся въ гору пестрымъ ковромъ разнообразныхъ хлѣбныхъ злаковъ, синѣющіе вдаль лѣса, здѣсь и тамъ на горизонтѣ съ вкрапленными въ нихъ усадьбами и деревушками. Тучи, висѣвшія надъ Россіей, словно разрѣжались въ этой свѣтлой, мирной, столь родной природѣ...

Событія, однако, шли своимъ чередомъ. 15 іюня палъ Плеве отъ руки террориста Сазонова... Гнетъ режима Плеве такой тяжестью лежалъ на всѣхъ и до того тревожилъ общественное сознание опасностью принятаго имъ курса, что вѣсть о его убійствѣ принята была многими не только со вздохомъ облег-

ченія, но и съ нескрываемой радостью, которая претила нравственному чувству.

Во второй половинѣ августа, на постъ министра Внутрен. Дѣлъ, былъ назначенъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій. Программная рѣчь, съ которой онъ вступилъ въ должность, говорившая объ «искреннемъ, благожелательномъ и истинно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще», радостно привѣтствовалась всѣми. Съ назначеніемъ Мирскаго въ земской средѣ оживились надежды на возможность созванія сѣзда изъ представителей губернскихъ управъ и земскихъ дѣателей, и бюро земскихъ сѣздовъ собралось въ Москвѣ 8-го сентября для обсужденія создававшегося положенія. Программа сѣзда, выработанная имъ до рѣчи кн. Мирскаго, не затрагивала политическаго вопроса, но послѣ обнародованія этой рѣчи организационное бюро сочло возможнымъ и даже необходимымъ поставить вопросъ объ общихъ условіяхъ, неблагопріятствующихъ правильному развитію нашей земской и государственной жизни и желательныхъ въ нихъ измѣненіяхъ. Въ результатъ переговоровъ Мирскій заявилъ депутации отъ организационнаго бюро, что оффициальнаго разрѣшенія на сѣздъ съ намѣченной программой не можетъ быть дано, но онъ тутъ же далъ разрѣшеніе на частное совѣщаніе въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за перипетіями переговоровъ съ Мирскимъ и радовались, что какъ-никакъ сѣздъ все-таки состоится. Настроеніе было необыкновенно приподнятое.

Какъ разъ съ этого времени я завела записную книжку, записями которой и буду пользоваться впредь.

Изъ записной книжки. — Ноябрь 1904 г. Сколько пережито за этотъ годъ, сколько переживается каждый день надеждъ, страховъ, мученій. Какая странная смѣсь унынія по поводу неуспѣшной войны, удручающаго сознанія безумной борьбы, которой конца края не видно, и надежды на внутреннее обновленіе... столь сильной и свѣтлой надежды, что дышется легче. Гроза еще въ полномъ разгарѣ, опустошенія вокругъ даютъ себя чувствовать съ каждымъ моментомъ острѣе, — а атмосфера яснѣе, самочувствіе бодрѣе.

Статья брата Евгенія въ № 39 «Права» «Война и бюрократія» имѣла совершенно исключительный успѣхъ. Не только со всѣхъ сторонъ сыпались ему привѣтствія и благодарности за нее, но учреждались стипендіи его имени въ университетѣ и

другихъ высшихъ учебн. заведеніяхъ. Она блестяще открыла эру новаго направленія внутренней политики. «Эру попустительства», какъ ее называетъ здѣшній Треповъ, «эру довѣрія къ общественнымъ силамъ», какъ называютъ ее земцы. Метаморфоза столь неожиданная, что всѣ словно растерялись и въ глубинѣ души мало кто вѣритъ въ ея прочность... Каждый день слухи о паденіи Мирскаго и въ преемники ему прочать Фойз-Валя, Клейгельса или Штюмера, заранѣе уже отпѣтыхъ или отпѣваемыхъ...

Боясь, чтобы братъ Евгенийъ не увлекся слишкомъ своимъ успѣхомъ, С. Н. писалъ ему:

«Никогда еще не было такъ трудно писать какъ теперь и никогда еще это не было въ такой мѣрѣ дѣломъ ответственнымъ...

Я имѣю дерзкую и смѣлую мысль основать в Москвѣ ежедневную политическую газету съ цѣлью кристаллизаціи силъ. Мнѣ дадутъ неограниченныя средства и сотрудники есть, хотя выборъ сотрудниковъ труднѣе, чѣмъ выборъ и получение средствъ. Нуженъ и твой авторитетъ, — не мѣняй его на мелочи.

Помимо отдѣльныхъ статей возьми на себя разработку какого-либо конкретнаго вопроса. Нужна созидательная работа. Если мы основываемъ газету, то не для того, чтобы пріятно щекотать либеральныя пятки... При случаѣ будемъ говорить со всей силою и вѣсомъ... но «свистопляски» «Нашей Жизни» — ни къ чему. Мало плевать на прошлое, надо думать о реальной программѣ ближайшаго будущаго, объ образованіи «правительственной партіи будущаго», которая нужна для поддержанія порядка и для осмысленныхъ реформъ. нужна организація или кристаллизація силъ...»

Изъ записной книжки. — 21 ноября 1904 г. Вел. кн. Сергій Александровичъ уѣхалъ въ Петербургъ къ 14-му *). Уѣхалъ съ намѣреніемъ погугать своей отставкой и отставкой всей московской администраціи, но по слухамъ, подтверждающимся грустной физиономіей Г. Кристи, потерпѣлъ неудачу... Однако «Право» получило предостереженіе. Розничная продажа «Нашей Жизни» и «Сына Отечества» съ 1-го номера запрещена. Про «Нашу Жизнь» Петрункевичъ сказалъ брату Сережѣ: «Начала фальшетою и сразу оборвалась»...

На Сережу Петрункевичъ производитъ впечатлѣніе серьезнаго и солиднаго человѣка, образованнаго, умнаго, и не в олюціонера, умѣреннаго конституціоналиста. Однако на

*) 14-ое ноября — день рожд. Импер. Маріи Федоровны.

сѣздѣ въ Петербургѣ, онъ разошелся съ Д. Н. Шиповымъ, который остался съ меньшинствомъ въ умѣренныхъ.

23 ноября. Вчера у брата Сережи былъ Д. Н. Шиповъ и Р. А. Писаревъ. Послѣдній рассказывалъ про сѣздъ, что Шиповъ своею рѣчью въ славянофильскомъ стилѣ чуть не погубилъ все дѣло. Положеніе спасъ Н. Н. Львовъ блестящей рѣчью, которой остановилъ раздраженіе возражавшихъ Шипову и остановилъ отъ увлеченія ходатайствовать объ учредительномъ собраніи. Онъ указалъ, что учредительное собраніе учреждается, когда правительства уже больше нѣтъ и власть его упразднена. Умѣстно-ли сейчасъ говорить объ этомъ?..

11 Пунктъ «заключенія» редактированъ Петрункевичемъ*).

По окончаніи совѣщанія земскихъ дѣятелей положенія, къ которымъ они пришли, были представлены кн. Святополкъ-Мирскому съ пожеланіемъ его участниковъ, чтобы онъ довелъ о нихъ до свѣдѣнія Государя. Въ свою очередь Мирскій просилъ, чтобы участники совѣщанія составили для него записку съ изложеніемъ тѣхъ мотивовъ, которыми они руководствовались при составленіи своихъ «заключеній». На совѣщаніи, собранномъ по этому поводу, единодушное желаніе всѣхъ присутствовавшихъ было, чтобы этотъ трудъ взялъ на себя братъ Сергій Николаевичъ.

Изъ записной книжки. — Сегодня Сережа кончилъ свою записку, которую писалъ два дня по просьбѣ Шипова и Ко. Въ запискѣ говорится объ опасности дать свободу слова, свободу собраний и другія свободы, пока общество не организовано и не призвано къ активной защитѣ Престола... Далѣе въ «Запискѣ» высказывается надежда, что Престоль окажется на высотѣ своего призванія и вступитъ на спасительный путь реформъ: «Но всѣ эти реформы предполагаютъ политическую свободу, правовой строй государственной жизни и правильно организованное народное представительство»... Сегодня вечеромъ Сережа читалъ эту записку на собраніи у Шипова, и затѣмъ ее направлять въ Петербургъ къ Мирскому.

*) Принятія совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей положенія были изложены въ одиннадцати пунктахъ, причѣмъ послѣдній, 11-ый, выражалъ надежду, что «Верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа»...

24 ноября. «Записка» вчера имѣла полный успѣхъ. Особенно довольны Шиповъ и Петрункевичъ.

29 ноября. Вчера на Знаменкѣ, послѣ обѣда, братъ Петръ Ник. читалъ записку и адресъ, проектированные на сѣздѣ губернскихъ предводителей. Адресъ, подписанный семью предводителями, выражалъ вѣрнопопданническія чувства, преданность самодержавію и увѣренность, что при условіи довѣрія къ обществу (а главное къ дворянству), — все пойдетъ прекрасно... этому — не дано хода.

Въ запискѣ, подписанной 11 предводителями, пространно описывается смута, царящая въ Россіи и броженіе недовольныхъ массъ. Причина тому въ произволѣ администраціи, бюрократическомъ составленіи законовъ, незаконномъ дѣйствіи министровъ, искажающихъ своими инструкціями настоящей законъ, произволѣ полиціи, которая плодитъ лишь недовольныхъ и т. д. Устранить всё настоящія бѣды можно, проведя въ жизнь принципы, высказанные въ Манифестѣ 26 февраля, учрежденіемъ контроля и отвѣтственности администраціи, допущеніемъ участія общества въ законодательныхъ работахъ, составленіемъ при Государственномъ Совѣтѣ особаго отдѣла для веденія земскихъ дѣлъ при участіи въ немъ земскихъ представителей, дабы голосъ народа свободно восходилъ до Царя. Соблюдая эти условія, правительство сохранить вѣрность завѣтамъ исторіи и принципамъ самодержавія...

Не понимаютъ эти люди одного, что самодержавіе въ томъ видѣ, какъ оно сложилось у насъ, есть произволъ, возведенный въ законъ. Принципомъ этимъ пропитанъ не только самъ Царь-самодержецъ, но изъ главнаго источника питаются всѣ происходящіе ключи, начиная съ министра и кончая послѣднимъ урядникомъ и становымъ. Если даже Царь восчувствуетъ и отречется отъ престола, — какъ государственный механизмъ насытитъ новымъ понятіемъ, когда всѣ колеса вертѣлись только при старомъ?..

30 ноября въ московскую Городскую Думу было подано заявление за подписью 70 гласныхъ, на основаніи котораго было выработано слѣдующее постановленіе, принятое единогласно:

«Представить высшему правительству, что по мнѣнію Московской Городской Думы неотложно необходимо: 1) установить огражденіе отъ вѣнсудебнаго усмотрѣнія; 2) отмѣнить дѣйствіе исключительныхъ законовъ; 3) обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу слова, печати, свободу собраній и союзовъ; 4) провести вышеуказанныя начала въ жизнь, на обезпечиваю-

шихъ иль неизмѣнность неизблемыхъ основахъ, выработанныхъ при участіи свободно избранныхъ представителей населенія; 5) установить правильное взаимодействие правительственной дѣятельности, съ постояннымъ, на законѣ основаннымъ, контролемъ общественныхъ силъ надъ законностью дѣйствій администраціи...

Изъ записной книжки. — 8 декабря. Вслѣдствіе постановленія московской Городской Думы — скверная исторія въ Университетѣ. Выслушавъ заявленіе гласныхъ въ предварительномъ чтеніи, Герье всталъ и заявилъ, что не получилъ полномочія избирателей на подписаніе такого заявленія, и такъ какъ В. М. Голипынъ предложилъ несогласнымъ выйти, — онъ ушелъ. Студенты за это сдѣлали ему скандалъ въ Университетѣ: окружили, заставили выслушать обвинительный актъ, и свистали, не давая возможности уйти. Когда бѣдный старикъ вышелъ наконецъ изъ аудиторіи, сѣро-земляного цвѣта, онъ произнесъ только: «Вотъ вамъ и свобода»!..

Но студентамъ мало этого: они собираютъ подписи подъ петиціей Герье, гдѣ кромѣ вины за поведеніе въ Думѣ, ставятъ ему на счетъ всѣ личныя обиды и требуютъ его удаленія изъ университета. Какъ Сережа ни убѣждалъ, ни уговаривалъ — они слушать не хотятъ, личное чувство говорить сильнѣе.

Вечеромъ состоялось засѣданіе профессоровъ у проф. Фохта. Рѣшили, что если студенты подадутъ свою петицію, профессоръ представятъ свою контръ-петицію съ просьбой къ Герье оставаться. Студенты невмѣняемы послѣ беспорядковъ 5-го и 6-го декабря. По прокламаціямъ, разбросаннымъ въ эти дни и предшествующіе, населеніе призывалось къ демонстраціи. Въ воскресенье, на Знаменкѣ, у брата Петра Ник., Гр. Кристи рассказывалъ, что когда студенты хотѣли проникнуть на площадь (передъ генер. губернаторскимъ домомъ), чело-вѣкъ 150 полицейскихъ преградили имъ дорогу, студенты выхватили револьверы и два полицейскихъ упали раненые. Тогда другіе полицейскіе обнажили шашки, причемъ 2 студента сильно пострадали, а другіе болѣе или менѣе легко.

Въ правительственномъ сообщеніи не говорится о тяжело раненыхъ, а объ легко пострадавшихъ. Виѣсть съ тѣмъ въ городѣ ходятъ невѣроятные рассказы объ «избѣніяхъ». 60 профессоровъ послали къ Мирскому телеграмму съ просьбой прекратить кровопролитіе на улицахъ Москвы. Къ брату Сережѣ прибѣгали за подписью, онъ въ ней отказалъ, говоря, что не можетъ, зная дѣло, подписаться подъ такой телеграммой и на-

ходить, что полиции ничего не оставалось дѣлать, какъ драть-ся, когда въ нее стрѣляли.

Братъ Сергѣй писалъ брату Евгенію въ Кіевъ 8 декабря:

«Милый Женя! Быстро мы живемъ: въ недѣлю — мѣсяць. И главное — писать нельзя ни о чемъ. Ты можешь быть знаешь о нашихъ дѣлахъ... Приходится перечислять событія... Послѣдній разъ писалъ тебѣ недѣли двѣ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ произошли слѣдующія событія:

1) По просьбѣ Шипова и нѣкоторыхъ членовъ сѣзда мною была написана «Записка» Мирскому «о современномъ положеніи и программѣ реформъ».

2) Состоялось у меня первое учредительное собраніе редакціоннаго комитета будущей газеты, которую пока рѣшено сдѣлать еженедѣльной.

3) Я ѣздилъ съ Шиповымъ къ Мирскому и читалъ ему «Записку».

4) Въ Москвѣ состоялся рядъ банкетовъ, постановленій, манифестацій.

5) Послѣдняя изъ нихъ, устроенная социаль-революціонерами съ прямой цѣлью вызвать кровавое столкновеніе (они стрѣляли первые), привела къ желаемому ими результату: Москва буквально съ ума сошла и протесты сыпятся съ телеграммами, заявленіями и т. п. отъ самыхъ мирныхъ и трусливыхъ людей на свѣтѣ.

6) Въ университетѣ рѣзкая забастовка. Сегодня меня заставили прекратить лекцію, чѣмъ я воспользовался для безплодныхъ попытокъ защитить Герье, котораго студенты освистали, а вчера постановили просить уйти изъ университета, за то, что онъ, съ какимъ-то поломъ, оставилъ залу городской Думы въ видѣ протеста противъ неконституціонныхъ ея постановленій (это онъ, бѣдный, чтобъ ему женскій Университетъ разрѣшили!).

7) У меня инфлюэнція и компрессъ на печени. Съ утра нетолченая труба народу: профессора, студенты, барышни, курсистки, дамы, земцы, публицисты, — никогда еще ничего подобнаго не было. Иногда буквально весь день.

При этомъ я пишу политическія записки, доклады, статьи по греческой философіи (одну даже по-нѣмецки) и «о безсмертіи души»... Послѣдняя всего полезнѣе для меня, ибо помогаетъ сохранять равновѣсіе...

Снизу надвигается терроръ, а наверху эти четыре дня страшная растерянность: реакціонный манифестъ вмѣстѣ съ отѣной охраны. Пораженіе Мирскаго, колебанія... Манифестъ отложенъ, ждуть другого или того же самаго 15 декабря.

Газету мнѣ, вѣроятно, разрѣшать (только, очевидно, если положеніе печати не измѣнится, — мы не выпускаемъ)...

Вскорѣ пришло тебѣ мою «Записку»: очень одобряютъ, имѣ-

ла большой успѣхъ, и здѣсь, и у Мирскаго. Онъ на меня произвелъ самое лучшее впечатлѣніе. Но Правительства нѣтъ и въ такой моментъ! Что-то будетъ! Надо молиться Богу. Крѣпко здѣлюю.

Слухамъ о противоестественномъ кровопролитіи не вѣрь, — раздуто страшно. Правительственное сообщеніе ближе къ истинѣ, хотя есть два-три серьезныхъ пораненія.

Изъ записной книжки. — 8 декабря. Сегодня братъ Петя вернулся изъ Петербурга gros de nouvelles. Въ воскресенье онъ оттуда телефонировалъ на Знаменку, что 6-го будетъ реакціонный адресъ и даже Г. Кристи возмущился: «Въ какое положеніе насъ (администрацію) ставятъ»...

Теперь братъ Петя рассказываетъ: 1) О Манифестѣ не было и рѣчи. 2) Государь созвалъ особое совѣщаніе изъ вел. князей Владиміра, Сергѣя, Алексѣя, Михаила, изъ министровъ (всѣхъ, кромѣ Глазова и военнаго) и нѣкоторыхъ выдающихся членовъ Государственнаго Совѣта. Петѣ назначенъ былъ приемъ въ Царскомъ въ 2 ч. дня. Когда онъ подѣхалъ, то увидалъ массу каретъ и спросилъ у Гайдена: «Что это у васъ творится?»

— Рѣшаются судьбы Россіи, — послѣдовалъ отвѣтъ.

На обратномъ пути въ Петербургъ Петя попалъ въ кулъ къ Муравьеву. Не рассказывая сущности дѣла, Муравьевъ сказалъ, что они засѣдали три дня и теперь кончили и подписали. Въ субботу выйдетъ правительственное сообщеніе и указъ Сенату. Въ сообщеніи будетъ цѣлый рядъ строгостей противъ демонстрацій и манифестацій. Въ указѣ—что-то такое, что должно удовлетворить всѣхъ благомыслящихъ и серьезныхъ людей въ Россіи (разумѣется, не революціонеровъ).

Прочитавъ всѣ поданія ему за это время «записки», Государь пришелъ къ заключенію, что многія требованія общества вполне основательны и онъ хочетъ дать на нихъ сейчасъ же отвѣтъ. По мнѣнію Муравьева, отвѣтъ превосходный. Совѣщаніе произвело на него удивительное впечатлѣніе. «Кажется, я за 20 лѣтъ привыкъ», говорилъ онъ... «Государь предсѣдательствовалъ выше всякой похвалы, вел. князь держался «джентельменами»... Были слѣданы другъ другу уступки... (??) — и вотъ вы увидите».

По приѣздѣ въ Петербургъ Петя отправился къ Витте:

— Ну, а ваше мнѣніе какое?

Витте пустилъ воздухъ сквозь зубы и сказалъ: «Въ прошломъ году цѣна была бы милліонъ, а теперь — рубль»

Про бесѣду свою съ Государемъ Петя рассказываетъ слѣ-

дующее: Государь читалъ записку предводителей, но желалъ имѣть дополнительныя свѣдѣнія о томъ, что въ ней сказано.

Петя сказалъ, что первый вопросъ былъ о конституціи, но что всё они думаютъ, что въ данную минуту «то, что называется конституціей» не примѣнимо для Россіи и вовсе нежелательно. Что они за «самодержавіе»; но, должно сознаться, — само державіе у насъ нѣтъ!.. Между Царемъ и народомъ выросла стѣна — «бюрократія», и голосъ народа не доходитъ до Царя. Законы составляются такъ, что оказываются совершенно непримѣнимыми къ жизни и т. д., сталъ своими словами рассказывать «записку» *). Государь отвѣтилъ, что вопросъ о конституціи онъ ставилъ себѣ не разъ, «душой переболѣлъ надъ нимъ» и пришелъ къ такому заключенію: «Не для меня, конечно, не для меня — для Россіи, я призналъ, что конституція привела бы сейчасъ страну въ такое положеніе, какъ Австрію. При малой культурности народа, нашихъ окраинахъ, еврейскомъ вопросѣ и т. д. — одно самодержавіе можетъ спасти Россію. Притомъ мужикъ конституціи не пойметъ, а пойметъ только одно, что Царю связали руки, а тогда — Я васъ поздравляю, господа!»..

Последнюю фразу Петя произнесъ, глядя на брата Серēju съ крайней выразительностью, такъ что слегка даже вспыхнулъ, и мнѣ подумалось: «не прибавилъ ли онъ это «поздравленіе» отъ себя? (Хотя передавалъ онъ всегда съ дѣловой точностью слышанное). Далѣе братъ Петя рассказалъ, что Государь выразилъ ему свое возмущеніе по поводу телеграммы Черниговскаго земства**). На это Петя замѣтилъ, что Государь не долженъ тому удивляться, ибо въ обществѣ за послѣднее вре-

*) Въ вопросѣ о «конституціи» братья между собой расходились. Сергѣй Ник. считалъ единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія организованное постоянное единеніе Верховной власти съ народомъ, единеніе, которое при настоящихъ условіяхъ могло быть осуществлено лишь при посредствѣ свободно избранныхъ представителей земли. А брату Петру Ник. конституція представлялась, какъ уменьшеніе и упраздненіе царской власти, а не укрѣпленіе ея.

**) 6-го декабря Черниговское губ. земское собраніе представило Государю ходатайство по цѣлому ряду вопросовъ общегосударственнаго значенія. Государь собственноручно написалъ на телеграммѣ: «Нахожу поступокъ черниговскаго земскаго собранія дерзкимъ и безтактнымъ. Заниматься вопросами государственнаго управленія не дѣло земск. собраній, кругъ дѣятельности которыхъ ясно очертанъ законами».

мя весьма и весьма было распространено убѣжденіе, что Государь желаетъ конституціи, но вел. князья и Императрица Марія Федоровна ея не желаютъ, и что онъ, лично, знаетъ многихъ предводителей, которые подписали адресъ въ полной увѣренности, что исполняютъ высочайшую волю и желаніе.

Государь на это отвѣтилъ, что онъ на-дняхъ опредѣленно выскажетъ свой взглядъ на положеніе дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ удовлетвореніе тѣмъ общественнымъ требованіямъ, которые считаетъ справедливыми.

10 декабря. Мало-по-малу въ мирное и тихое русло прежнихъ общественныхъ и семейныхъ отношеній начинаютъ просачиваться отголоски партійной розни. Грустно и иногда очень тяжело. Даже между дѣтьми ссоры и споры, доходящіе до драки за или противъ самодержавія.

Вслѣдствіе конституціонныхъ выступленій Думы О. Д. Самаринъ сложилъ съ себя званіе попечителя городской школы и послать мотивированный отказъ въ Думу. Его примѣру послѣдовала его сестра С. Д., а за ней потянули и ея пріятельницы, С. Тютчева, Е. Коновницина и Е. П. Ермолова.

14 декабря. — Сегодня утромъ вышелъ «Указъ Сенату» *). Всего можно было ожидать, только не того, что Юльевичъ будетъ пожалованъ въ Кесари...

Фактически вся власть сейчасъ передана въ руки Витте и все теперь зависитъ отъ того, какъ ему угодно будетъ взглянуть на дѣло и какое направленіе дать разработкѣ намѣченныхъ вопросовъ. Призовутъ ли къ участию въ управленіи выборныхъ или представителей страны; затянется ли еще туже петля — все зависитъ отъ Витте... Неужели же этотъ самый указъ сочинялся въ Царскомъ и его мудрости изумлялся Муравьевъ? Впрочемъ, какъ понимать мудрость! Составленъ онъ такъ ловко, что его можно повернуть какъ угодно. И какъ-ни-

*) В Указѣ признавалось необходимымъ провести рядъ назрѣвшихъ преобразованій, и въ первую голову озаботиться наилучшимъ устройствомъ быта крестьянъ, обезпечивъ за ними «положеніе полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей». За симъ признавалось неотложнымъ: принять мѣры къ охранѣ полной силы законовъ; обезпечить необходимую самостоятельность судебныхъ установленій; ввести государственное страхование фабричныхъ рабочихъ; пересмотрѣть законы объ усиленной охранѣ; пересмотрѣть узаконенія о правахъ раскольниковъ и лицъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій; пересмотрѣть положеніе объ инородцахъ и уроженцахъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи; устранить излишнія стѣсненія печати...

какъ, но для Витте этотъ указъ не рубль, а милліонъ... Жуткій онъ все-таки сейчасъ человекъ: у него, кажется, только два двигателя: личное честолюбіе и личная ненависть къ Царю...

Братъ С. Н. писалъ брату Евгению въ Кіевъ:

«15 декабря. ...По-моему о реакціи пока говорить преждевременно. Можетъ быть завтра начнется реакція, а главное, что есть и будетъ — это все возрастающій революціонный сумбуръ Указъ правительства. Севату, или, какъ говорилъ вчера Ключевскій, «указъ Витте бытъ Симеономъ Бекбулатовичемъ» (забѣлательно остроумно!) — меня утѣшилъ. Уничтоженіе сословности въ Земствѣ, мелкая единица, торжественное уничтоженіе крѣпостническихъ проектовъ Плеве — все это необходимые шаги для подготовки правильнаго всенароднаго представительства. Витте къ тому же въ ближайшемъ будущемъ долженъ указать пути. Слава Богу, что въ указѣ ничего не было о представительствѣ, а то хотѣли было припустить нѣсколько выборныхъ отъ городовъ, отъ земства и дворянства въ Государственный Совѣтъ. Во всякомъ случаѣ это не можетъ остановить движенія, а только поддасть воды на мельницу. Тоже слѣдуетъ сказать и о «прокламаціи» правительственнаго сообщенія*), въ коемъ усматриваютъ руку сознательно провокаторскую того же Симеона Бекбулатовича. Это брандеръ опасный для порядка, для власти, но не для движенія. Кромѣ того мы знаемъ, кто будетъ исполнять «Указъ», — жуликъ, — правда, но умный, и безмѣрно честолюбивый, не останавливающийся ни передъ чѣмъ. А кто будетъ исполнять «правительственное сообщеніе»?.. Есть ли въ эту минуту исполнитель? Можетъ быть сегодня есть. Вчера его не было. Подождемъ телеграммъ. Можетъ быть это сообщеніе «въ сурьезъ», — а «указъ» «нарочно», а можетъ быть и наоборотъ — сообщеніе «нарочно». Во всякомъ случаѣ, конечный результатъ одинъ. Правительству не вѣрять, ни тогда, когда оно грозитъ, ни тогда, когда оно общается...»

Изъ записной книжки. — 15 декабря. Какъ передать впечатлѣнія вчерашняго дня.. утра и вечера?.. («Указъ» появился утромъ, правительственное сообщеніе — вечеромъ). *On promène des mèches enflammées entre des barilles de*

*) Правительственное сообщеніе приписываетъ подъемъ общественаго движенія вредному вліянію лицъ, стремящихся внести въ государственную жизнь смуту, объявляетъ требованія общества «недопустимыми въ силу священныхъ основными законами Имперіи невыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя и угрожаетъ въ отхоженіи нарушителей порядка примѣнять «всѣ находящіеся въ распоряженіи властей законныя средства».

poudres. Это вызовъ, брошенный провокаторской рукой и безъ послѣдствій это пройти не можеть!

Въ Москвѣ невѣроятное возбужденіе. Вчера въ Думѣ засѣданіе не могло состояться изъ-за колоссальнаго наплыва публики, заполнившей все зданіе Думы. Шумъ царилъ необычайный. Установили барьеръ для пропуска въ залу гласныхъ и представителей печати, около этого барьера образовалась живая стѣна, черезъ которую невозможно было пробраться.

Къ началу засѣданія въ Маломъ залѣ собралось 34 гласныхъ, а для открытія засѣданія нужно было 54 чел. Но ясно было, что если и соберется законное число гласныхъ, то при создавшихся условіяхъ занятія немислимы. Можно безъ преувеличенія сказать, что подобнаго стеченія публики въ Думѣ никогда не было, и кн. Голицынъ, послѣ совѣщанія съ собравшимися гласными, рѣшилъ объявить засѣданіе несостоявшимся. Несмотря на это публика долго не вѣрила, что засѣданія не будетъ и еще въ 7½ час. громадное количество публики не покидало Думы: среди нея было много учащейся молодежи. И все это происходило еще до опубликованія «Правительственнаго сообщенія», которое вышло только къ вечеру.

Небывалое скопленіе публики было и въ Дворянскомъ Собраніи при чтеніи земскаго адреса *).

Въ воскресенье 12-го обѣдала у брата Пети на Знаменкѣ. Тамъ же обѣдали и уѣздные предводители. Мнѣ пришлось сидѣть съ Бландовымъ (подольск. предв., вмѣсто Каткова). Онъ рассказывалъ мнѣ, что на совѣщаніи, предшествовавшемъ земскому собранію и происходившемъ до обѣда, рѣшено было подать адресъ. — «Братъ вашъ, Петръ Ник., всѣми силами возставалъ противъ, но большинство заявило, что если онъ не допустить адреса, они сорвутъ собраніе и выйдутъ изъ зала:

*) Отмѣчая съ благодарностью выраженное въ «Указѣ» довѣріе власти къ общественнымъ учрежденіямъ и населенію страны, земское собраніе заявляетъ: «Мы твердо вѣримъ, Государь, что близокъ тотъ счастливый день, когда, по волѣ Вашего Величества, будетъ отмѣненъ существующій бюрократическій строй, разобщающій Верховную Власть съ народомъ, когда Царь призоветъ свободно избранныхъ представителей всей земли русской къ участию въ законодательствѣ, дабы при содѣйствіи ихъ упрочить могущество Государства, величіе Престола и процвѣтаніе родины на незыблемыхъ началахъ законности, личной неприкосновенности и равноправности всѣхъ гражданъ передъ закономъ, свободы слова и вѣроисповѣданія». — Адресъ этотъ принадлежитъ перу Кокошкина.

безъ крупнаго скандала не обойтись: московское земство должно высказаться».

13 декабря адресъ былъ прочтенъ при громѣ рукоплесканій. Въ залу набилось 600 человекъ публики и нервное напряженіе было таково, что заниматься нельзя было. Положеніе брата П. Н. было не изъ легкихъ, особенно послѣ опубликованія «Правительственнаго сообщенія», въ коемъ предсѣдатели собраній привлекались къ отвѣтственности за обсужденіе нежелательныхъ вопросовъ. Онъ вышелъ изъ положенія, написавъ слѣдующее письмо къ Мирскому:

...«По существующему убѣжденію, которое и я вполне раздѣляю, Россія находится нынѣ въ эпохѣ революціоннаго движенія и анархїи. То, что происходитъ, вовсе не одно лишь простое волненіе молодежи. Молодежь является лишь отраженіемъ того состоянія, въ которомъ находится общество. Состояніе это въ высокой степени опасно и страшно, какъ для всего отечества нашего, для всѣхъ насъ, въ особенности же для священной особы самого Государя. А посему долгъ каждаго истиннаго вѣрноподаннаго — предотвратить всѣми зависящими отъ него мѣрами непоправимое бѣдствіе. На дняхъ, я имѣлъ счастье представляться Государю Императору... Я старался объяснить ему, что то, что нынѣ происходитъ се n'est pas une simple émeute, mais une révolution. Что вмѣстѣ съ тѣмъ русскій народъ толкаютъ на революцію, которой онъ не хочетъ и которую Государь можетъ предотвратить. Но путь для этого одинъ, единственно одинъ — это путь царскаго довѣрія къ общественнымъ и сословнымъ силамъ.

Я горячо убѣжденъ, всѣми силами своей души, что пожелай Государь довѣрчиво сплотить эти силы вокругъ себя, Россія избавится отъ всѣхъ ужасовъ нависшей надъ ней кровавой смуты, поддержитъ своего Царя и его самодержавную власть и волю. При такомъ душевномъ состояніи всѣхъ людей, думающихъ о всемъ сказанномъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, не дать этимъ людямъ возможности высказать своему Государю то, что такъ страшно и мучительно у каждаго болитъ — прямо выше силъ человѣческихъ. Нельзя молчать, когда отечество въ опасности, нельзя не подумать о томъ, въ какомъ состояніи находятся всѣ тѣ, у которыхъ семья, дѣти. Пусть я даже буду признанъ формально виновнымъ, какъ предсѣдатель земскаго собранія, но совѣсть моя передъ Государемъ чиста и я спокоенъ».

Среди этой накаленной и возбужденной общественной атмосферы, грянуло еще извѣстіе о паденіи Портъ-Артура... Сергѣй Николаевичъ мучительно и болѣзненно переживалъ это тяжелое событіе. Въ неоконченной и оставшейся ненапечатанной статьѣ онъ писалъ: «Свершилось!.. палъ Портъ-Артуръ, послѣ

безпримѣрной борьбы, удивившей міръ!.. И эта доблесть русскихъ героевъ, которой будетъ гордиться Россія, не спасла ее отъ пораженія и позора. И сердце полно горемъ, и болью и гнѣвомъ, и мстительнымъ стыдомъ, стыдомъ неумолимымъ, непрощающимъ, требующимъ удовлетворенія»...

Изъ записной книжки. — 29 декабря. Не записывала все это время, потому что пера въ руки брать не хотѣлось. Вспоминаая впечатлѣнія, вызванныя въ прошломъ году гибелью Петропавловска и Макарова, невольно недоумѣваешь... Трудно объяснить себѣ настроеніе общества теперь. Театры ни на одинъ день не закрылись и были полны публикой. Профессоръ В—ій въ день паденія Портъ-Артура былъ въ Художественномъ театръ и выражалъ негодованіе, что видѣлъ тамъ военныхъ... Братъ Петя (Петръ Ник.) заѣзжалъ къ намъ въ сочельникъ и негодовалъ, что въ соборахъ не служатъ панихиды. И каждый ждалъ отъ другого проявленія чувства, котораго самъ не проявлялъ... И у всѣхъ былъ одинъ вопросъ въ душѣ: что же будетъ дальше и чего теперь желать?.. Впереди — полный туманъ. А если что-нибудь ясно внутри — это растущая ненависть и жажда мшенья, но не противъ японцевъ: наростаніе революціоннаго духа.

Въ самый день взятія Портъ-Артура, въ Думѣ состоялось чествованіе кн. В. М. Голицына, и В. Н. Бобринская прилетѣла оттуда къ намъ сообщить, что, несмотря на паденіе Портъ-Артура, чувствовался необычайный подъемъ духа!?

1905-ый годъ.

Изъ записной книжки. — 11 января. Извѣстіе о петербургскихъ безпорядкахъ 9-го января распространилось въ Москвѣ къ вечеру, изъ редакцій газетъ, куда сообщались свѣдѣнія по телефону.

Было воскресенье и мы, по обыкновенію, обѣдали въ этотъ день на Знаменкѣ у брата Пети. Всѣ волновались, но достовѣрнаго никто ничего не зналъ. Тогда я предложила, на свою голову, попробовать вызвать изъ Петербурга къ телефону А. Лопухина. Къ удивленію, мнѣ это удалось. На мой вопросъ: правда-ли, что въ толпу стрѣляли изъ пушекъ и убито 200 человѣкъ, онъ отвѣчалъ, что стрѣляли залпами и убито 50 человѣкъ. Подробностей передать онъ мнѣ не могъ и больше я ничего не узнала.

Только къ вечеру 10-го появилось правительственное сообщеніе и началась забастовка на московскихъ фабрикахъ.

Сегодня весь день всё въ страшномъ возбужденіи; ждуть на завтра сраженія въ Москвѣ. Среди дня говорили о забастовкѣ 25 тыс. рабочихъ. Говорятъ, что Цинделевская фабрика котла работать, но съ другихъ фабрикъ пришли рабочіе и заставили ихъ примкнуть къ движению. Слухи противорѣчивы: съ одной стороны идетъ запугиваніе, съ другой — увѣряютъ, что все завтра же придетъ въ порядокъ. Получено извѣстіе о назначеніи Трепова генераль-губернаторомъ Петербурга съ громадными полномочіями. Извѣстіе это одинаково волнуетъ и возмущаетъ людей самыхъ противоположныхъ мнѣній и съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Интересны подробности, которыя сообщаетъ С. Глѣбова. Треповъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ назначенъ дежурнымъ флигель-адъютантомъ къ Государю. Во весь день Государь ему ни слова не сказалъ по поводу покушенія на него, Трепова, только что бывшаго, и до такой степени былъ съ нимъ леденяще холоденъ, что Треповъ, какъ преданный слуга старого закала, вернулся домой совершенно этимъ убитый и уничтоженный. Жена его, Софья Сергѣевна Трепова, писала сюда своей дочери Глѣбовой, что радуется, что отъѣздъ ея мужа на войну долженъ состояться послѣзавтра... И письмо это получено было одновременно съ депешей о его назначеніи и переселеніи всего его семейства въ Зимній Дворецъ. Здѣсь на эту царскую милость многіе смотрятъ, какъ на подписаніе Трепову смертнаго приговора... Какъ объяснить психологію Государя?! Впослѣдствіи А. Лопухинъ разсказалъ намъ подробно, какъ было дѣло. (Записано съ его словъ 9-го февраля):

...Про безпорядки 9-го января А. Лопухинъ говорить, что можно только удивляться малому количеству жертвъ. Войска такъ озвѣрѣли отъ оскорбленій толпы, что трудно было сдерживать ихъ отъ массоваго истребленія этой толпы. Официальныя цифры пострадавшихъ выше, а не ниже правды. Произошла ошибка: полиція сложила убитыхъ и раненыхъ вмѣстѣ — 333, а затѣмъ показала убитыхъ отдѣльно 96 чел. Въ дѣйствительности 126 убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, и 207 раненыхъ.

Въ ночь съ 9-го на 10-ое А. Лопухинъ и Рыдзевскій убѣждали Мирскаго до 3-хъ час. ночи ѣхать въ Царское и убѣдить Государя въ необходимости сказать свое слово. Составлено было краткое, но сильное обращеніе къ народу, гдѣ говорилось, что мятежъ есть мятежъ и во время войны еще болѣе преступный, чѣмъ въ мирное время. Кн. Мирскій наконецъ убѣдился ихъ доводами, но вмѣсто того, чтобы отвезти лично Государю это воззваніе, препроводилъ его ему при письмѣ.

Проходить день, другой, третій. Изъ Царскаго ни слова... Наконецъ Мирскій туда ѣдетъ и Государь ему говорить, что воззваніе хорошо написано, и онъ его одобряетъ, но не желаетъ одного, — чтобы оно исходило отъ его имени...

Мирскій пытался ему объяснить, что отъ него, Мирскаго, оно не будетъ имѣть никакого значенія, но Царь настоялъ на своемъ. Послѣ этого послѣдовало назначеніе Трепова и черезъ нѣсколько дней воззваніе къ рабочимъ отъ Трепова и Коковцова съ объявленіемъ, что требованія и нужды рабочихъ будутъ разсмотрѣны въ особомъ совѣщаніи.

О выборѣ депутатовъ изъ рабочихъ для представленія Государю А. Лопухинъ рассказывалъ, что это выдумка Трепова, поддержанная Фредериксомъ, о которой ни одинъ министръ не былъ предувѣдомленъ.

По окончаніи перваго засѣданія о рабочемъ вопросѣ, когда многіе уже разѣхались, Фредериксъ, закуривая сигару, вдругъ сказалъ: — «А интересно, каковъ будетъ результатъ завтрашней депутаціи».

— Какой депутаціи? — спросилъ Витте.

Тогда Фредериксъ сообщилъ, что Государь приметъ завтра депутацію отъ фабрикъ. Депутаты будутъ по назначенію отъ фабрикантовъ, — отъ каждой фабрики, имѣющей 100 рабочихъ.

Витте руками развелъ... и сказалъ Фредериксу: «Мы тутъ нѣсколько часовъ подрядъ разсуждаемъ о томъ, какъ успокоить фабрики, а вы не сочли нужнымъ сообщить намъ, т а к о е извѣстіе!»

Въ тотъ годъ въ Москвѣ, въ концѣ января, должны были состояться дворянскіе выборы. И ввиду того, что московское дворянство еще не собиралось со дня рожденія Наслѣдника престола, предстояло обсудить текстъ вѣрноподданническаго адреса по случаю счастливаго событія. Рядъ земствъ и дворянскихъ обществъ уже высказались, и среди высказанныхъ ими пожеланій преобладало одно, общее, — о созывѣ народныхъ представителей. Выскажется-ли московское дворянство въ этомъ смыслѣ или осудитъ все современное движеніе какъ «смуту» и «крамолу»? — вотъ вопросъ, который занималъ и волновалъ въ то время все московское общество.

Изъ записной книжки. — 18 января. Вчера вечеромъ состоялось второе совѣщаніе по поводу дворянскаго адреса. На первомъ — много говорилъ Ф. Д. Самаринъ, защищая свою за-

писку противъ блестящихъ возраженій Э. Э. Коккошкина*). Братъ Сережа и Д. Н. Шиповъ намеренно молчали. Главнымъ основаніемъ всѣхъ возраженій Ф. Самарина была «несвоевременность» поднятыхъ вопросовъ. Очень слабо ему возражали кн. Долгоруковъ и Клейстъ. Въ заключеніе А. Д. Самаринъ, съ красивой вибраціей своего баритона, сказалъ, что русскій народъ не зналъ другой царской власти, кромѣ «самодержавной» и, Богъ дастъ, не узнаеть...

Вчера говорилъ Сережа. Онъ вернулся домой въ 2 часа ночи. Я не ложила, ждала его. Онъ страшно былъ утомленъ; такъ какъ съ утра былъ на пяти засѣданіяхъ. Онъ почти дословно, по его словамъ, передалъ мнѣ и своей женѣ (Прасковѣ Владиміровнѣ) свою рѣчь.

А. Г. Щербатовъ (изъ самаринской партіи) говорилъ на этотъ разъ первымъ и съ большимъ подъемомъ о значеніи настоящей войны, чѣмъ вызвалъ въ залѣ большое одобреніе. Сережа началъ съ того, что онъ отъ всей души присоединяется къ горячей патріотической рѣчи кн. Щербатова и къ мыслямъ, высказаннымъ имъ по поводу важности и значенія настоящей войны для Россіи. Но скрывать отъ себя правду нечего. Это лишь передовая стычка, первая страница, начинающейся гигантской борьбы съ монгольской расой, отъ которой зависитъ все будущее Россіи. Какъ же должны мы быть сильны и крѣпки, чтобы выйти побѣдоносными изъ такой борьбы... Возражая противъ записки Ф. Д. Самарина, братъ сказалъ: «Въ минуту, когда требуется необычайный національный подъемъ для одолѣнія врага и всѣхъ задачъ, поставленныхъ войной, свое время не ли взывать къ реакціи и приводить страну въ состояніе стоячаго болота? Вооруженная реакція можетъ привести страну къ молчанію, но дастъ ли она намъ силу побѣдить врага?..»

Послѣ этого адресъ Самариныхъ не получилъ 2/3 голосовъ. Но на слѣдующій день Самарины внесли кое-какія поправки въ свой адресъ и онъ получилъ 2/3, — адресъ же Коккошкина и Герасимова остался за флагомъ.

*) Записка развивала мысль, что начало общественному движенію положено земск. съѣздомъ и является плодомъ агитаціи извѣстной группы лицъ, желающихъ воспользоваться войной и настоящимъ тяжелымъ положеніемъ, чтобы исторгнуть отъ правительства согласіе на созывъ народныхъ представителей. Считаю совершенно несвоевременнымъ возбужденіе такого вопроса во время войны, записка и по существу высказывается противъ представительныхъ учреждений.

Разсужденія самаринской записки представляются непонятной слѣпотой. Казалось бы, что вся политика вовлекающая насъ въ эту несчастную войну, наглядно доказываетъ, что «самодержавная» власть не стоитъ у насъ выше всѣхъ частныхъ и партійныхъ интересовъ. Какъ же, послѣ всѣхъ вскрывшихся злоупотребленій, закрывать глаза на дѣйствительность и продолжать утверждать, что «самодержавіе» выше ихъ и не имѣетъ иныхъ цѣлей, кромѣ блага народа и страны.

При большой дружбѣ и привязанности къ семьѣ Самариныхъ, съ которыми мы были въ близкомъ родствѣ *), мнѣ тяжело бывало видаться съ ними и избѣгать опасныхъ темъ для разговоровъ, и когда ужъ слишкомъ накалило, я прибѣгала къ письменному общенію. На одно изъ такихъ писемъ Ф. Самаринъ отвѣчалъ мнѣ:

...«То разномысліе, о которомъ ты говоришь, въ сущности всегда было, только теперь перемѣнились общественныя условія. Мнѣ, при всей моей неохотѣ къ какимъ-либо публичнымъ заявленіямъ, пришлось высказаться и различіе нашихъ взглядовъ почувствовалось сильнѣе, чѣмъ прежде. Не знаю, нужно ли говорить тебѣ, какъ мнѣ было тяжело, что я не могу идти объ руку въ общественныхъ дѣлахъ съ твоими братьями. Кажется, у меня это было на лицѣ написано. Но право же это не мѣшаетъ мнѣ любить ихъ попрежнему, и никакой пропасти между нами изъ-за этого не образовалось. И это именно потому, что я цѣню прежде всего суть **человѣка**, какъ ты выражаешься, а не мнѣнія его, которыя могутъ быть ошибочны, могутъ мѣняться»...

А братъ С. Н. еще въ апрѣлѣ 1904 г. писалъ мнѣ изъ Дрездена: ...«Что Ф. Самаринъ? Я нѣсколько разъ писалъ ему и рвалъ письма ...главное изъ-за того, что не могу говорить съ нимъ о томъ, что переполняетъ мою душу, о моемъ патриотизмѣ, который при всей жадѣ побѣды (и даже непоколебимой увѣренности въ ней) уязвленъ и погранъ нашимъ главнымъ внутреннимъ врагомъ**).

Изъ записной книжки. 23 января. Вчера состоялось, наконецъ, открытіе Московскаго Дворянскаго Собранія. Народу — масса.

*) Ф. Д. Самаринъ былъ женатъ на моей старшей сестрѣ, Антонинѣ Ник.

**) Подъ врагомъ разумѣлось бюрократическое правительство. — «Самодержавіе у насъ», часто говаривалъ С. Н., «есть лишь штемпель бюрократическаго правительства».

Самаринскій адресъ прошелъ при дикихъ вопляхъ восторга... Но, въ общемъ, они, кажется, дорого заплатили за минуту торжества и радости. Столько оскорбленій посыпалось на нихъ со всѣхъ сторонъ на другой же день во всѣхъ газетахъ.

Въ результатъ получилось два адреса — большинства и меньшинства (219 голосовъ противъ 147). Большинство высказалось такъ:

...«Нынѣ ли, въ столь тяжелую пору думать о какомъ-нибудь преобразованіи государственнаго строя въ Россіи. Пусть минуетъ военная гроза, пусть уляжется смута, тогда направляемая державной десницей Твоей, Россія найдетъ путь для надежнаго устройства своей внутренней жизни на завѣщанныхъ намъ, нашей исторіей, началахъ единенія Самодержавнаго Царя съ землей».

Адресъ меньшинства гласилъ:

...«Мы жаждемъ только одного твоего слова, слова, которое дало бы намъ почувствовать, что не порвалась связь Царя съ русскимъ народомъ, что когда Ты найдешь это нужнымъ, Ты призовешь избранныхъ отъ народа людей къ участию въ государственной работѣ, дабы по мудрому примѣру Твоихъ славныхъ предковъ, въ единеніи со своимъ народомъ приготовить путь къ дальнѣйшему развитію и преуспѣванію дорогой намъ родины».

При поверхностномъ чтеніи, казалось бы, что по существу адресъ большинства тоже признаетъ необходимость реформъ и единенія Царя съ народомъ и вопросъ только «о несвоевременности» немедленнаго проведенія этого въ жизнь. Но суть въ текстѣ этого адреса заключалась въ томъ, что въ немъ предлагалось «единеніе с а м о д е р ж а в н а г о Царя съ землей», т. е. сохраненія самодержавнаго строя...

Братъ Петръ Ник. подписался подъ адресомъ меньшинства и потому вопросъ о продолженіи его службы въ качествѣ губернскаго предводителя былъ для него предрѣшенъ. Онъ всегда считалъ главною своею задачей служить объединенію дворянства и расхожденіе съ большинствомъ въ такомъ важномъ вопросѣ болѣзненно имъ переживалось, хотя должно сказать, что онъ не придавалъ слову «с а м о д е р ж а в і е» того принципиальнаго значенія, какое оно имѣло въ глазахъ брата С. Н. и прочихъ конституціоналистовъ. Его сбивала шиповская точка зрѣнія, видѣвшая въ титулѣ «самодержавный» лишь какое-то археологическое украшеніе къ титулу русскаго царя. Въ особомъ мнѣніи, представленномъ братомъ Петромъ Ник., онъ придерживался шиповской точки зрѣнія, къ которой его влекло и

присущее ему желаніе найти компромиссъ, на которомъ всѣ могли бы объединиться и примириться.

Но какъ разъ въ то время политическія убѣжденія начинали кристаллизоваться и отъ компромиссовъ отмахивались какъ справа, такъ и слѣва, и кучка, образовавшаяся вокругъ Шипова, не имѣла успѣха и не могла не чувствовать себя одинокою.

Когда дѣло дошло до выборовъ губернскаго предводителя, братъ Петръ Ник., чувствуя, что почва уходитъ изъ-подъ его ногъ, отъ баллотировки отказался. Выборы рѣшили отложить до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, когда выяснится подходящій кандидатъ, а пока, по закону, исполненіе обязанностей губернскаго предводителя осталось за братомъ.

23 января на квартирѣ Ю. А. Новосильцева собралось 70 чел. дворянъ, изъ числа подписавшихъ адресъ меньшинства. Засѣдали до 2-хъ час. дня, и затѣмъ съ 9 до 2-хъ час. ночи, и по просьбѣ собравшихся, братъ Сергѣй Ник. составилъ «особое мнѣніе» отъ лица 147 дворянъ, которое, за исключеніемъ незначительныхъ редакціонныхъ поправокъ, всецѣло принадлежитъ его перу. Здѣсь подробно освѣщены мотивы, заставившіе «меньшинство» голосовать противъ адреса «большинства».

...Насъ страшитъ не революціонное движеніе, которое само по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ народно-государственной жизни, было бы совершенно безсильнымъ, насъ страшитъ общестійное, возрастающее недовольство, которое вызывается неудовлетвореніемъ насущной государственной, общественной и народной нужды... Изъ всѣхъ бѣдъ, постигшихъ Россію, мы видимъ единственный, прямой выходъ — въ организованномъ и постоянномъ единеніи верховной власти съ народомъ при посредствѣ свободно избранныхъ представителей земли.

Прочитанное въ Дворянскомъ Собраніи 2 января «Особое мнѣніе» произвело извѣстное впечатлѣніе и смущеніе, и нѣсколько человекъ отдѣлились отъ большинства и было подано еще два отдѣльныхъ мнѣнія, которыя съ ранѣе представленными и двумя адресами были совмѣстно препровождены въ Петербургъ.

9 февраля. Писала въ послѣдній разъ о Дворянскомъ собраніи. Теперь, это отошло въ область далекаго прошлаго, какъ одинъ изъ эпизодовъ зимы, о которомъ вспоминаютъ для утѣхи.

Не стану входить въ подробности убійства вел. кн. Сергѣя Александровича, — онѣ во всѣхъ газетахъ. Онѣ особенно ужасны и потрясаютъ, потому что на фонѣ этой кошмарной картины крови и убійства выступаетъ обаятельный обликъ вел. кн. Елизаветы Фед., которая за эти дни выявила себя ве-

ликой женщиной; нельзя не преклоняться передъ ея твердостью и высотой духа...

А. Лопухинъ былъ здѣсь по дѣлу слѣдствія. Разказы его навѣваютъ страхъ и уныніе. На-дняхъ, ночью, произвели обыски и аресты, которые дали громадные результаты. Схватили много взрывчатыхъ веществъ, по крайней мѣрѣ 8 бомбъ и массу оружія... Ежедневно хватаютъ партіи въ 60 и болѣе ружей и револьверовъ. Очень крупные и богатые купцы даютъ на это деньги. Одинъ приватъ-доцентъ въ Технологическомъ институтѣ или университетѣ, не помню, собралъ на сходкѣ 300 рублей на закупку оружія. Найденъ подробный планъ вооруженнаго возстанія въ Москвѣ, съ подробнымъ распредѣленіемъ и указаніемъ казенныхъ знаній и телефоновъ, которые должны быть порваны для разобщенія властей... На мой вопросъ, какой же интересъ купцамъ давать деньги на такое дѣло? А. Лопухинъ отвѣчалъ: «Желаніе сыграть роль и страхъ быть снесенными волной. Лучше стать во главѣ»...

24 февраля. Всѣ эти дни не успѣвала записывать. Самымъ крупнымъ событіемъ за это время является «рескриптъ Булыгину» 18-го февраля. Важность этого шага еще не осознана нами... Впечатлѣніе было насколько возможно ослаблено и испорчено Манифестомъ и Указомъ, обнародованными наканунѣ*).

18 февраля я завтракала у Кристи и съ трудомъ выслушивала его патетическія рѣчи о самодержавіи, о «смутѣ» и о «кучкѣ» алонамѣренныхъ подстрекателей и т. д. Вокругъ сидѣли почтительные чиновники, внимавшіе губернаторскому краснорѣчію. Видимо Г. Кристи понялъ мое впечатлѣніе, такъ какъ послѣ завтрака, отвелъ меня въ сторону и началъ говорить нѣсколько смущенно и взволнованно: — «Милый другъ, ты понимаешь, я все это такъ говорю, но очень хорошо понимаю, что кучка эта не маленькая... и положеніе очень и очень серьезное... Но я могу тебя успокоить: на-дняхъ будетъ обнародовано нѣчто такое, что вполне васъ удовле-

*) Въ Высоч. Манифестѣ, по случаю кончины вел. кн. Сергѣя Ал., «благочестивѣе» люди призывались къ искорененію крамолы, дерзновенно посягающей на устои Государства Россійскаго, полагая «учредить новое управленіе страной на началахъ Отечеству нашему несвойственныхъ». Высоч. Указомъ (отъ того же 18 февраля) на Совѣтъ министровъ возлагалось разсмотрѣніе поступающихъ на имя Государя отъ частныхъ лицъ и учреждений «видовъ и предположеній, касающихся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія».

творить. Я вчера вернулся изъ Петербурга и опредѣленно это знаю. Ты увидишь!»

Въ этотъ же день, часа въ четыре, въ «Петербургскомъ Телефонѣ» мы прочли Манифестъ и Указъ и были въ полномъ ужасѣ. Я встрѣтила брата Сережу на улицѣ и онъ издала крикнуть мнѣ: — «Читала?!!»

Г. Кристи былъ въ полномъ смущеніи и повторялъ: — «Это не то, это вовсе не то!..» Всѣ съ ужасомъ ждали 19 февраля, на которое и безъ того ожидалось крупные безпорядки.

Утромъ, я еще была въ постели, когда Сережа пришелъ съ газетой въ рукахъ объявить мнѣ: — «Сегодня по примѣру предковъ Государь вознамѣрился созвать представителей!.. Онъ радостно смѣялся и говорилъ, что какъ-никакъ, но Рубиконъ перейденъ!..»

Въ напечатанномъ въ газетѣ Высочайшемъ Рескриптѣ на имя Булыгина говорилось: «Пресмысленно продолжая царское дѣло вѣнценосныхъ предковъ моихъ, — собранія и устройства земли русской, я вознамѣрился отнынѣ съ Божіей помощью привлекать достойнѣйшихъ, довѣремъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участию въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній». Въ концѣ рескрипта, для проведенія въ жизнь сего преобразования, предписывалось учредить подъ предсѣдательствомъ Булыгина «особое совѣщаніе».

Со временемъ, съ высоты исторіи, быть можетъ это покажется страннымъ, *mais, lorsqu'on fait l'histoire*, когда такъ интенсивно переживается каждый день, такія впечатлѣнія, какъ отъ вчерашняго манифеста и указа, не могутъ сразу улечься и испариться. И выходитъ, что плюсъ на минусъ — минусъ!

Земство и Дума, однако, отозвались на рескриптъ и изъявили свои восторги, которые какъ-ни-какъ знаменуютъ, что они хотятъ вѣрить! Студенты же — не хотятъ... и затѣмъ говорятъ, что этого мало: имъ нужно социальную революцію и республику... Радикалы объявляютъ, что будутъ проводить забастовку, хотя бы пришлось прибѣгнуть къ оружію въ стѣнахъ университета. И много есть отчаянныхъ головъ, способныхъ на это.

Братъ Сережа написалъ было воззваніе, приглашающее студентовъ отнестись съ довѣремъ къ «рескрипту» и приступить къ занятіямъ, но воззваніе это провалилось въ совѣтѣ университета. Профессора знаютъ, что студенты вооружаются... и при такихъ условіяхъ занятія немислимы. Сережа говоритъ, что они не возобновятся, пока не произойдетъ реакція въ об-

шество, которое безумствует и летитъ подъ гору, очертя голову.

Страхъ передъ ожидаемымъ аграрнымъ движениемъ выдвигаетъ на первую очередь земельный вопросъ и заставляетъ дѣлать невѣроятныя предложенія. На дняхъ у Новосильцовыхъ на совѣщаніи земскихъ дѣятелей Петръ Долгоруковъ предложилъ каждому подсчитать, сколько онъ можетъ добровольно уступить своей земли крестьянамъ, такъ какъ, если они сами не дадутъ, то все равно снизу возьмутъ!..

Петрункевичъ, о которомъ я писала въ ноябрѣ, что онъ поражаетъ умѣренностью взглядовъ, заявилъ за нѣсколько дней до появленія «рескрипта» предложеніе собрать въ Петербургѣ 600-700 чел. земцевъ и учредить изъ себя «Учредительное Собраніе» и т. д... Сережа не видитъ сейчасъ возможности издавать журналъ, такъ какъ, за исключеніемъ 3-4 чел. среди намѣченныхъ имъ сотрудниковъ, всѣ перешли въ радикальный лагерь.

Сегодня, проѣздомъ изъ Петербурга, у насъ былъ дядя С. А. Лопухинъ (въ то время прокуроръ Судебн. Палаты въ Кіевѣ). Онъ въ большемъ подъемѣ духа и оптимистически настроенъ. Такъ же, какъ и А. Лопухинъ (директоръ Департамента полиціи), онъ вѣритъ, что рескриптъ внесетъ дефференціацію въ общество и что здоровые элементы за него утѣпятся. Предложеніе гласнаго Мануилова въ земск. собраніи избрать комиссію для выработки проекта отъ московскаго земства должно заставить работать, а не болтать только и должно и крайніе элементы въ земствѣ привести къ извѣстнымъ компромиссамъ и заставить призадуматься надъ трудностями осуществленія и проведенія въ жизнь реформъ, о которыхъ сплеча такъ много и легко говорится. Адресы Думы и Земства очень хорошіе признаки.

Но все же всѣ въ недоумѣніи: какъ связать этотъ «рескриптъ» съ Манифестомъ и Указомъ?.. и только руками разводять!..

Дядя С. А. Лопухинъ привезъ намъ любопытное разъясненіе. 17-го февраля онъ былъ у Манухина (министра юстиціи) и бесѣда шла о современномъ положеніи дѣлъ. Манухинъ говорилъ, что вѣроятно, вскорѣ будетъ дано что-нибудь положительное, потому что дальше такъ жить нельзя. «Будетъ, конечно, переходной моментъ».. На этомъ отворается дверь и курьеръ подаетъ два пакета: въ одномъ былъ Указъ, въ другомъ Манифестъ...

Послѣ прочтенія оба были въ оцѣпѣннн. Манухинъ из-

винился, что должен немедленно приступить къ распоряженію объ опубликованіи, и дядя С. А., распроставшись съ нимъ, поѣхалъ къ А. Лопухину. Когда послѣдній узналъ о Манифестѣ, онъ за голову схватился: «Какъ! быть не можетъ!» — и поспѣшилъ по телефону увѣдомить Булыгина. А. Г. Булыгинъ тоже ничего не зналъ о появленіи Манифеста. Онъ зналъ, что у Государя былъ заготовленъ Манифестъ еще со смерти вел. кн. Сергѣя Ал. и приблизительно зналъ его содержаніе, но надѣялся, что ему удалось убѣдить Государя его не выпускать, — и тутъ пораженіе было полное и перспектива на завтрашній день рѣзни *).

Въ пятницу 18-го февраля всѣ министры и члены Госуд. Совета съѣхались по обыкновенію въ Царскомъ. Булыгинъ взялъ съ собой заготовленный имъ проектъ Манифеста (о которомъ, вѣроятно, и говорилъ мнѣ Г. Кристи) и тутъ общимъ единодушнымъ напоромъ удалось склонить Государя подписать «рескриптъ», который испекли на мѣстѣ, передѣлавъ булыгинскій проектъ Манифеста. Сольскій, старѣйшій между присутствовавшими, торжественно скрѣпилъ подпись Государя, отвѣсивъ ему низкій поклонъ и поздравилъ съ вступленіемъ Россіи въ «новую эру», а старикъ Хилковъ стоялъ и широко крестился, пока Государь подписывалъ...

Уже къ вечеру 18-го въ Петербургѣ продавали «добавленіе» «Правительственнаго Вѣстника» съ «Рескриптомъ Булыгину» и публика не знала, какой исторической моментъ легъ между этими двумя актами... Пока Булыгинъ находился въ Царскомъ, ему, по телефону, то и дѣло передавали о новыхъ безпорядкахъ то тамъ, то здѣсь, и, главное, въ Баку. Все это поддерживало единодушіе представителей бюрократіи *d'abdiquer en faveur des représentants...* Но одинъ голосъ раздался противъ — голосъ С. Ю. Витте!..

На-дняхъ у насъ завтракалъ Петрункевичъ и сообщилъ еще интересную версію (изъ достовѣрнаго источника) о томъ же «рескриптѣ». Въ день обнародованія Манифеста (18-го февраля) представители группы финансистовъ, съ которыми Кокорцовъ велъ переговоры о заключеніи займа въ Парижѣ, явились къ нему съ тѣмъ, что при данныхъ условіяхъ: Манифеста и Указа, заемъ нельзя будетъ реализовать... Курсъ нашъ не упадетъ отъ неудачъ въ Манджуріи и даже если-бъ вспыхнула

*) 19 февраля, дата освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, была всегда излюбленной датой для политическихъ демонстрацій.

война съ Англіей, но съ «манифестомъ» Россія вступаетъ на путь смуты и цѣнности наши должны пасть до 75%... Кокковцовъ былъ противъ «представителей», но пришлось доложить Царю, что денегъ нѣтъ и занять нельзя будетъ, если остаться при Манифестѣ. Пришлось согласиться на «рескриптъ». Такимъ образомъ on lui a forcé la main.

Въ концѣ февраля 1905 г. въ Москвѣ происходили совѣщанія группы земскихъ дѣятелей, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи и, одновременно, происходили совѣщанія и городскихъ дѣятелей. Братъ Сергѣй Ник. посѣщалъ земскія совѣщанія, собиравшіяся въ д. Ю. А. Новосильцева (быв. д. кн. А. А. Щербатова, на Б. Никитской) и весьма ими интересовался.

Кромѣ вопроса о предстоящей организаціи представительства и аграрнаго вопроса, оживленныя пренія возбуждали вопросъ объ отношеніи къ Совѣщанію, образованному подъ предсѣдательствомъ А. Г. Булыгина. Всѣ признавали желательнымъ участіе выборныхъ отъ земствъ и городовъ и представителей существующихъ общественныхъ учреждений въ работахъ этого Совѣщанія, и большинство примкнуло къ мысли обратиться съ соответствующей петиціей въ Совѣтъ министровъ на основаніи «указа 18 февраля». Аналогичное представленіе было принято и на совѣщаніи городскихъ дѣятелей. Но А. Г. Булыгина было трудно подвинуть на такое дѣло.

Кн. А. Д. Оболенскій писалъ С. Н. (25 февраля 1905 г.):

«Событія идутъ съ такой головокружительной быстротой, что прямо не успѣваешь сосредоточиться, чтобы сдѣлать какое-нибудь основательное предположеніе. Послѣ «рескрипта» центральной точкой сдѣлался, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, Булыгинъ. Я и перенесъ на него свои насѣданія. Думаю, однако, что это вотще. Если-бъ и удалось его раскачать, то время будетъ упущено. Теперь военныя событія все заслонили, и то малое спокойствіе и малое вниманіе, на которое еще можно было рассчитывать, почти что улечувиваются. Тѣмъ не менѣе, я не полагаю рукъ...

...Нечего говорить, что «рескриптъ» самъ по себѣ никого и ничего успокоить не можетъ. Но отчего его оставлять самого по себѣ? Дѣло въ томъ, что онъ все-таки есть малая брешь, маленькое отверстіе, которое надо всячески стремиться увеличить. Едва замѣтная тропинка, но почему не попробовать и по ней идти? Можетъ быть дорога и проторится. Въдь если мы этимъ не воспользуемся, поле активной дѣятельности останется за Грингмутомъ съ одной стороны, бомбами -- съ другой, причемъ, безъ сомнѣнія, побѣдятъ послѣдніе. Вотъ почему я и сосредоточился на

Будыгинъ, дѣйствуя и прямо и косвенно, побуждая его собрать большую, широкую и гласную комиссію. Вѣдь ясно же, что вся наша задача теперь сводится къ тому, чтобы спасти возможно большее количество человѣческихъ жизней. Что же при такомъ положеніи дѣлать? По моему, надо выбирать депутаціи, посылать ихъ сюда, приставать къ Будыгину, убѣждать, укрѣплять, подбодрять и прочее, всѣми зависящими мѣрами. Надо притворяться, что «рескриптъ» — большая дорога и идти по его тропинкѣ, какъ по большаку. Я началъ съ того, что сказалъ тебѣ, что это вотще. Но кто знаетъ. Если одно слово «довѣріе» Мирскаго доковыряли до Указа 12 декабря, то неужели «рескриптомъ» нельзя воспользоваться и довести до настоящихъ с. и. п. (свободно избранныхъ представителей. — О. Т.). Ты скажешь, теперь времена другія, теперь уже адресовъ писать не хотятъ. Это вѣрно, но вѣдь надо же имѣть достаточно политическаго такта и чутья, чтобы ухватиться и за маленькую веревку, выброшенную съ берега въ лодку, «волнами обуреваемую». Потяни за веревку, можетъ въ концѣ окажется канатъ, и ты, взявшись за него, пристанешь къ берегу и благополучно. Но главное не надо отвращаться отъ этой веревки потому, что она попала случайно, что ее не такъ слѣдовало бросить, что она можетъ порваться и проч., и проч. Во всякомъ случаѣ людямъ благоразумнымъ, людямъ порядка нечего другого дѣлать».

Нѣсколько дней спустя, 1-го марта, А. Д. Оболенскій вновь пишетъ:

«Милѣй другъ Сережа! Сегодня есть оказія, которую упускать не хочу, а потому пишу нѣсколько словъ. Будыгина раскатать непомѣрно трудно. Однихъ ходатайствъ мало, надо депутаціи, которыя прямо бы дошли въ двери. Здѣсь имѣются безумцы, въ числѣ ихъ С. Д. Ш., съ лѣной у рта доказывающей, что вся смута выдумана, даже въ Петербургѣ, что Россія покойна и желаетъ лишь одолѣть врага, который все слабѣетъ и проч. Что дѣлать противъ такого сумасшествія? Но этихъ сумасшедшихъ оставляютъ на свободѣ, и даже со свободой ходитъ во дворцѣ!. Удары, нанесенные нашей арміи, все же кажется дѣлаютъ свое дѣло, и мнѣ сдается, что поворотъ на этихъ дняхъ долженъ быть и наверху. Мы ходимъ въ большемъ уныніи; и состояніе растерянности и меня начинаетъ охватывать.»

Вите теперь находится въ хорошемъ настроеніи и съ нимъ можно разговаривать. Онъ правильно по моему смотритъ на дѣло. Къ сожалѣнію, онъ себя совершенно скомпрометировалъ во всѣхъ мѣстахъ, и у него все-таки людей не хватаетъ».

Изъ записной книжки. — Сегодня у насъ состоялось собраніе редакціи для обсужденія программы проектируемаго журнала «Московской Недѣли». Кромѣ братьевъ — Евгений прі-

ѣхалъ изъ Кіева третьяго дня — были Петрункевичъ, кн. Шаховской, Кокошкинъ, Мануиловъ, Н. Н. Львовъ, Новосильцевъ, двое Долгоруковыхъ (Петръ и Павелъ), Вернадскій, Новгородцевъ, Котляревскій, Рахмановъ, Герценштейнъ и Якушкинъ.

Я сидѣла у себя въ гостиной; дверь изъ Серезинаго кабинета въ корридоръ была отворена. Я просила Серезу не закрывать ее и сказала, что постараюсь записать для себя все, что будетъ говоритья.

Сереза началъ съ того: обсуждать ли вопросъ объ организаціи журнала или, его программы? Въ вопросъ программы касаться-ли теперь вопроса о двухъ палатахъ, обсуждавшагося на съѣздѣ у Новосильцева. Всѣ согласились отложить обсужденіе этого вопроса, а теперь заняться вопросомъ о прямой или двустепенной подачѣ голосовъ. Сереза напомнилъ, что въ первомъ засѣданіи редакціи большинство высказалось противъ прямой подачи и за двустепенную.

Кн. Шаховской замѣтилъ, что это вопросъ наиболѣе важный для опредѣленія политики изданія. Онъ безусловно за прямую подачу голосовъ, такъ какъ равенство правъ можетъ быть достигнуто лишь путемъ прямой подачи. Эта идея должна объединять всѣхъ и недоверіе къ массамъ не согласуется съ основными принципами редакціи, которая именно должна стоять за равенство правъ для всѣхъ. Отступление отъ признанія прямой подачи голосовъ вызоветъ расколъ.

Кокошкинъ напомнилъ, что если остаться на почвѣ съѣзда, то тамъ вопросъ о прямой подачѣ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что хотя въ принципѣ и желательно прямое голосованіе, но для первыхъ выборовъ, едва ли это осуществимо...

Кн. Петръ Долгоруковъ — убѣжденный сторонникъ прямой подачи, но для созыва учредительнаго собранія онъ считаетъ возможнымъ допустить двустепенную подачу, съ тѣмъ, чтобы послѣдующіе выборы производились бы уже посредствомъ прямого голосованія.

Якушкинъ согласенъ, что въ принципѣ прямые выборы — идеаль, но въ данную минуту приходится признать обязательность двустепенныхъ выборовъ для Учредительнаго Собранія. Прямая подача должна быть введена, какъ программный пунктъ журнала.

Н. Н. Львовъ. Вопросъ о прямомъ избирательномъ правѣ теряетъ свою остроту при двухъ-палатной системѣ. Опасность прямого голосованія заключается въ тенденціи къ демократическому абсолютизму. Вторая палата служитъ здѣсь коррективомъ. Въ виду этого онъ предлагаетъ разсматривать вопросъ о

прямой подачѣ, не какъ въ вопросѣ догмы, а въ вопросѣ цѣлесообразности.

Кн. Шаховской съ горячностью возражалъ на это, что все русское образованное общество смотритъ на эту идею именно, какъ на догму, дорожить ею. Это вопросъ существа. Только при этомъ возможно политическое воспитаніе народа и развитіе въ немъ сознанія равноправности. Народную массу должно воспитать возможно скорѣе и это можетъ быть достигнуто только путемъ представительства всѣхъ гражданъ, а не учреждений. Опасности прямой подачи онъ не отрицаетъ, но если бояться опасностей, то и строя мѣнять нечего.

Мануиловъ заявляетъ, что онъ защитникъ двустепенныхъ выборовъ не въ силу того, что считаетъ народъ неразвитымъ и глупымъ, наоборотъ, народъ понимаетъ свою ближайшую выгоду и потому, когда дѣло дойдетъ до выборовъ, онъ скорѣе выберетъ кабатчика, отъ котораго онъ въ зависимости, чѣмъ его, Мануилова, хотя бы онъ его любилъ и уважалъ. До пониманія другихъ, болѣе общихъ выгодъ, народъ не доросъ. Вотъ гдѣ опасность, почему и нужна постепенность. Онъ не за нарушение демократическаго принципа, но пока за двустепенную подачу и за двѣ палаты.

Кокошкинъ не видитъ нарушенія демократическаго принципа въ двустепенной системѣ. Одна система можетъ перейти въ другую — двустепенная въ прямую. Несомнѣнно, что народъ долженъ, какъ можно скорѣе, приучиться разбираться въ партіяхъ и потому прямая подача лучше, но вѣдь партіи пока не образовались и народъ ихъ не понимаетъ. Поэтому теперь, при первыхъ выборахъ для Учредительнаго Собранія, можетъ быть только рѣчь о двустепенной подачѣ, а затѣмъ, для послѣдующихъ выборовъ — прямая.

Кн. Е. Н. Трубецкой. Нужно стремиться къ идеалу прямой подачи, но такъ какъ въ данное время для осуществленія ся возникаетъ много серьезныхъ неудобствъ, то, обсуждая вопросъ, надо дать свободу высказаться за и противъ.

Кн. С. Н. Трубецкой. Надо въ журналѣ дать просторъ свободному обсужденію всѣхъ «про и контра». Болгарію нельзя одну ставить въ примѣръ достойный подражанія: надо помнить, что она прошла черезъ «стамбуловщину». Гессенъ согласился, что два года такого режима хуже всякаго самодержавія.

Петрункевичъ согласенъ съ Шаховскимъ, что отступленіе отъ принципа приведетъ къ расколу. Враги у насъ направо и налево, — мы въ центрѣ. Лѣвая сильнѣе своей фанатической вѣрой, и она организована. Если мы съ нею не сгоноримся, ---

мы безсильны... и она может внести страшное разрушеніе. Поэтому я скажу: если-бъ даже мы думали иначе, если-бъ прямая подача не лежала краеугольнымъ камнемъ въ нашемъ сознаніи, мы должны были бы въ этомъ согласиться съ лѣвой. Поэтому должно настаивать, чтобы лозунгъ прямой подачи былъ открыто высказанъ, а затѣмъ можно предоставить и свободу обсужденія.

Мануиловъ и кн. Е. Трубецкой сомнѣваются, чтобы путемъ уступокъ можно было приобрести довѣріе лѣвой.

Н. Н. Львовъ. Намъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ идти за крайними партіями. Задача въ томъ, чтобы разгадать реальность.

Котляревскій. Едва ли хорошо для уничтоженія недоувѣрія давать нашимъ противникамъ поводъ попрекать насъ вынужденными уступками. Мы стояли до сихъ поръ и должны стоять на собственной почвѣ.

Кн. Е. Трубецкой никакъ не можетъ согласиться съ Петрункевичемъ, что «даже если мы думаемъ иначе», мы должны принять прямую подачу, чтобы идти въ ногу съ лѣвой. Это не отвѣтствовало бы достоинству партіи, ни ея назначенію. Не должно также переоцѣнивать значенія крайней партіи. Она должна считаться съ нами и привыкнуть къ мысли, что у насъ есть принципы, на которыхъ мы твердо стоимъ и ими не поступимся. Мы должны рѣзко очертить границы и не идти на буксиръ крайнихъ партій. Напримѣръ (говорю только для примѣра): мы должны рѣзко поставить вопросъ о непрекосновенности индивидуальной собственности.

Петрункевичъ спрашиваетъ, что задача журнала литературная или политическая? Практической политикѣ долженъ учитывать силы. Мы не должны дѣлать уступокъ ни правой, ни лѣвой, и въ этомъ отношеніи его не такъ поняли. Говоря объ уступкахъ, онъ разумѣлъ народную массу, а не социаль-демократическую партію. Вѣрить ли масса въ этотъ лозунгъ? Если нѣтъ пока, то все-таки мы должны учесть быстроту демократизации мнѣній. Рабочее движеніе только что доказало намъ, съ какой быстротой усваиваются политическія понятія, то же можетъ произойти и въ крестьянской средѣ.

Герценштейнъ думаетъ, что какъ рабочее, такъ и крестьянское движеніе склонны преувеличивать. Онъ не вѣритъ въ сознательныхъ рабочихъ, и что они способны сами выдвинуть вопросъ о прямой подачѣ голосовъ, какъ вопросъ догмы.

Петрункевичъ не безъ язвительности замѣтилъ, что вѣроят-

но Михаилъ Яковлевичъ (Герценштейнъ) имѣть свѣдѣнія о рабочихъ отъ рабочей инспекціи...

Кн. Шаховской. Дѣло не въ социаль-демократіи, а въ томъ, какъ велико мыслящее общество и чѣмъ оно живетъ? Кто наблюдалъ немного, тому ясно, какую роль сыгралъ «Сынъ Отечества» и «Наши Дни» въ рабочемъ движеніи, а также и банкеты... Я знаю, какое распространѣніе «Наши Дни» получили среди казаковъ, какое впечатлѣніе произвело запрещеніе этого журнала. А учительская организація, располагающая 10 тыс. учителей для пропаганды? Кн. Шаховской заключаетъ тѣмъ, что наша трезвость насъ погубить.

Н. Н. Львовъ утверждаетъ, что если сознанія нѣтъ, — есть инстинктъ равенства, присущій нашему крестьянству. Если-бъ мы могли рассчитывать на искренность нашего правительства, вопросъ стоялъ бы иначе, но на это рассчитывать нельзя. Слѣдовательно, остается опереться на народъ и на народный инстинктъ, который можетъ всплхнуть и озарить для него вопросъ. Это не догматъ, а реальность, на которую можно опереться.

Герценштейнъ. Позволю себѣ предложить вопросъ Ивану Ильичу (Петрункевичу): будемъ ли мы идти на буксиръ крайнихъ партій и въ сферѣ экономическихъ и аграрнаго вопросовъ?..

Петрункевичъ. Дѣлать уступки можно, но не въ принципахъ. Въ вопросѣ о прямой подачѣ мы въ принципѣ сходимся съ лѣвой, вопросъ для насъ лишь въ своевременности. Въ экономическихъ вопросахъ уступки могутъ произвести страшныя потрясенія. Напримѣръ, идея чернаго передѣла: пойду ли я на это? — Да ни въ коемъ случаѣ!..

На этомъ окончились пренія по вопросамъ программы, приступили къ организационнымъ вопросамъ журнала и я, уставъ слушать и записывать, закрыла дверь...

Въ концѣ апрѣля въ Москвѣ долженъ былъ состояться аграрный съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Изъ всѣхъ вопросовъ, поднятыхъ въ то время, земельный вопросъ представлялся Сергѣю Ник. самымъ труднымъ и сложнымъ и, по его собственному признанію, онъ былъ неясенъ для него. Онъ писалъ брату Евгенію въ Кіевъ (апрѣль 1905 г.):

«Милый Женя! Христось Воскресе! Послалъ тебѣ депешу: журналъ выходитъ 1-го мая. Это я тебѣ скажу и страшно и трудно изъ-за сотрудниковъ. Экономисты прибрали къ рукамъ конституціоналистовъ. И что я съ этими конституціонъ-экономиста-

ми буду дѣлать? — не знаю.. Пусть Ц. присылаетъ статью и, главное, пусть самъ прѣбываетъ къ 30-му апрѣля, на бой съ нашими экономистами, «прирѣзчиками», а то они подбираютъ исключительно свою компанію и навязываютъ свою программу земской конституціонной партіи, какъ обязательный «минимумъ», причемъ, въ циркулярѣ, прямо признаютъ «конечнымъ идеаломъ» «переходъ всей земли въ руки тѣхъ, кто ее обрабатываетъ». Все это болѣе серьезно, чѣмъ тебѣ это кажется издали.

Для моей газеты всѣ надежды на тебя. Возьми пай стоимостью въ 500 рублей (лучше два пая) и уплати за него статьями, не деньгами: если ты не будешь писать, меня массой завалить лѣвѣйшіе меня... Впрочемъ, и ты полѣвѣль незрядо, судя по резолюціи профессорскаго съѣзда: по моему, вообще политическія резолюціи писать не слѣдовало, хотя по существу съ ней можно и согласиться. Для «Московской Недѣли» нужна самая энергичная твоя поддержка.

На съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей 29 апрѣля 1905 года аграрный вопросъ обсуждался не во всемъ объемѣ, а касался лишь вопроса о малоземельѣ.

Прослушавъ доклады М. Я. Герценштейна и А. А. Мануйлова, С. Н. высказался очень осторожно: «Въ основу программы аграрной реформы положено принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, причемъ этой мѣрѣ придается не только главенствующее, но можно сказать, исключительное значеніе. Тотъ, кто будетъ голосовать за проектъ въ предлагаемомъ видѣ, будетъ голосовать за ликвидацію частнаго землевладѣнія. Но въ проектѣ коренной аграрной реформы нельзя обходить вопроса права и, отмѣняя существующія правовыя нормы, необходимо устанавливать новыя, между тѣмъ докладчики совершенно обходятъ вопросъ о *ratio juris*, — точно такъ же, какъ они не касаются множества юридическихъ финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ не только рѣшеніе, но и самая постановка занимающей насъ проблемы. Но и независимо отъ указанныхъ недочетовъ, проектируемая реформа возбуждаетъ сомнѣнія.

Что покупаемъ мы столь дорогой цѣною? Обезпечиваемъ ли мы надолго социальный миръ и благоденствіе? Обезпечиваемъ ли мы хотя бы агрикультурный прогрессъ, интенсификацію крестьянскаго хозяйства? Сохраняемъ ли мы общинное землевладѣніе и землепользованіе, принудительную общину? Не вводимъ ли мы мелочную, всепроникающую бюрократическую организацию землевладѣнія и земельныхъ отношеній? Говоря о безсословности, не создаемъ ли мы новое сословіе привилегированныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ? Все это вопросы,

которые остаются открытыми, и я не вижу возможности голо-совать проект, пока они не будут выяснены».

Можно сказать, что до конца жизни вопросъ въ той формѣ рѣшенія, какая предлагалась на сѣздѣ, вызывалъ его возраженія: «Безъ соединенныхъ энергичныхъ усилій правительства и земства, направленныхъ къ интенсификаціи сельскаго хозяйства, крестьянство будетъ голодать на увеличенныхъ надѣлахъ, какъ оно голодаетъ теперь на крупныхъ надѣлахъ въ Самарской губерніи», писалъ онъ на страницахъ «Московской Недѣли», и эту мысль онъ часто высказывалъ: «Абсолютнаго и окончательнаго рѣшенія аграрнаго вопроса мы не знаемъ», писалъ онъ тамъ же, «и не ищемъ выхода изъ современнаго кризиса ни въ отвлеченныхъ идеалахъ болѣе или менѣе далекаго будущаго, ни еще менѣе въ возбужденіи массъ, съ цѣлью немедленнаго и насильственнаго примѣненія этихъ идеаловъ въ дѣйствительности. Мы будемъ имѣть въ виду реальную цѣль и реальныя средства. Для улучшенія народнаго благосостоянія и мирнаго разрѣшенія аграрнаго кризиса необходима не одна какая-нибудь мѣра, а цѣлая система мѣръ. Каждая изъ нихъ въ отдѣльности, какъ бы хороша и цѣлесообразна она ни была, сама по себѣ, безъ совокупности другихъ, будетъ недостаточной». Въ числѣ этихъ мѣръ С. Н. указываетъ на податную реформу, переселеніе, расселеніе, пересмотръ аренднаго законодательства, организацію мелкаго кредита и проч. С. Н. указывалъ однако, что при условіи бюрократическаго режима, такая реформа никогда не получитъ достаточной широты и прочности, «не будетъ тѣмъ народнымъ дѣломъ, какимъ она должна быть»... и это одно уже должно служить залогомъ осуществленія той политической реформы, безъ которой немислимо наше дальнѣйшее государственное существованіе.

Но тѣмъ не менѣе, С. Н. все-таки признавалъ, что мы «двинулись». Онъ радостно привѣтствовалъ Указъ 17 апрѣля о вѣротерпимости, признавалъ въ немъ первое доброе дѣло современнаго движенія, переходъ отъ слова къ дѣлу. Несмотря на свою неполноту, «великій принципъ вѣротерпимости впервые получилъ реальное, хотя еще несовершенное признаніе для инославныхъ, а политика реакціоннаго агрессивнаго націонализма и національной вражды на окраинахъ измѣнилась». Рядъ правительственныхъ актовъ и мѣропріятій свидѣтельствуютъ о совершающемся поворотѣ къ политикѣ умиротворенія, къ признанію права языковъ и національностей, входящихъ въ составъ имперіи. «Трудно и радостно вмѣстѣ жить эти дни. Встрѣтимъ ихъ бодро, безъ мало-

душныхъ страховъ, зная, что много бурь впереди, много работы и что расплата за грѣхи нашего прошлаго неизбежна и велика. Но есть сознание, что необъятное поле раскрывается передъ нами все шире и шире, что оно зоветъ работниковъ, что теперь можно жить и умереть для великаго и свѣтлаго дѣла. Есть сознание, что трудъ нашъ не пропадетъ и много насъ выйдѣтъ въ поле...»

Несмотря на такое оптимистическое настроеніе передовой статьи перваго номера «Московской Недѣли», ей не суждено было увидѣть свѣтъ при жизни С. Н. Еще въ концѣ апрѣля И. И. Петрункевичъ привезъ изъ Петербурга тревожныя свѣдѣнія. Кн. П. В. Трубецкая писала брату Евгению въ Кіевъ:

«Цензура строить каверзы. Петрункевичъ, который сегодня вернулся изъ Петербурга и завтракалъ у насъ, говорить, что въ цензурномъ комитетѣ въ Петербургѣ очень боятся этого новаго органа, — не потому, чтобы редакторъ принадлежалъ къ крайней лѣвой, а потому что онъ къ ней не принадлежитъ и что голось разума, съ своимъ отрезвляющимъ дѣйствіемъ, можетъ сильнѣе повліять, чѣмъ крайнія нелѣпицы...»

Первый номеръ «Московской Недѣли» задержался и вмѣсто 1-го мая долженъ былъ выйти 12-го. 10-го мая инспекторъ типографіи частнымъ образомъ справлялся въ типографіи Кушнарера о томъ, когда начнется печатанье «Московской Недѣли»: ему надо было ѣхать на дачу, а газету имѣлось въ виду арестовать, о чемъ редакція была своевременно предупреждена. На другой день, 3/4 часа послѣ отсылки въ цензуру перваго номера этой безцензурной газеты, она была арестована.

Арестъ перваго номера не заставилъ С. Н. сразу отказаться отъ изданія, онъ былъ твердо увѣренъ, что обстоятельства въ скоромъ времени измѣнятся, но за арестомъ перваго номера, послѣдоваль арестъ 2-го и 3-го...

Въ недоконченномъ письмѣ къ П. Г. Виноградову мы читаемъ:

«Дорогой Павелъ Гавриловичъ! Арестъ «Московской Недѣли» (три номера подрядъ) заставляетъ насъ воздержаться отъ изданія до перемѣны вѣянія. Ничего въ этихъ номерахъ нецензурнаго не было: все дѣло объясняется доносомъ Грингмутовскаго агентства, вслѣдствіе котораго, по мановенію изъ Петербурга, газета арестовалась въ станкѣ, до отпечатанія. Очевидно, надо переждать.»

Какъ жаль, что васъ здѣсь нѣтъ среди этой кипучей, напряженной жизни, разомъ пробудившейся. Въ вашихъ письмахъ такъ чувствуется, что вы пишете издаалека... Я самъ противникъ

«четырехвостки», т. е. въ особенности, прямой и не могу не почувствовать многому изъ того, что вы пишете. Вы знаете, что я никогда не былъ радикаломъ, что я анти-радикаль. И однако, я увѣренъ, будь вы среди насъ, вы бы многое иначе написали: недостаточно быть освѣдомленнымъ о движеніи, надо его чувствовать, его осязать, чтобы съ нимъ бороться, надо присутствовать при дебатахъ всѣхъ этихъ бурныхъ многочисленныхъ собраний и съѣздовъ, видѣть настроеніе массъ...

Много труда, энергій и силъ затратилъ С. Н. на дѣло редакціи и глубоко сознавалъ значеніе и отвѣтственность печатнаго слова въ эти дни. Онъ считалъ, что печать не только должна служить принципиальному и всестороннему освѣщенію и разработкѣ вопросовъ, «но и организациі общественнаго мнѣнія, она приобретаетъ н о в о е политическое значеніе, какого раньше она не имѣла».

Ясно, что именно этого послѣдняго въ Петербургѣ нисколько не желали и съ тревогой слѣдили за «кристаллизацией силъ» вокругъ С. Н., значеніе и популярность котораго среди общественныхъ дѣятелей росли съ каждымъ днемъ.

Кн. О. Трубецкая.

(Окончаніе слѣдуетъ).